

Дарья Донцова

Деваные валенки Мадам Помпадур

ЭКСМО

Детектив на афте
Татьяна Сергеева

**КРУТИТЕ,
КАК ХОТИТЕ!**

Детективом,
героями,
сюжетом!
Подробности
игры –
в книге!

Дарья Аркадьевна Донцова
Рваные валенки
мадам Помпадур
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=426352
Рваные валенки мадам Помпадур: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-699-44667-4

Аннотация

Вот уж не ожидала Татьяна Сергеева, что новый начальник будет оказывать ей знаки внимания. Очевидно, новые сапожки-угги волшебным образом преобразили «пампушечку» Таню в настоящую симпампушечку! Но она тверда как скала и хранит верность мужу Гри, который уже давно работает под прикрытием. А Танечка тем временем занимается новым делом: археолог Любовь Доброва в ужасе ожидает, когда ее настигнет кара. Оказывается, Люба ездила в село с веселым названием Ведьмино на раскопки захоронения двух девушек. Местный прорицатель предрек всем членам экспедиции скорую смерть, если они потревожат покой «древнерусских любовниц», как их окрестила пресса. И предсказание начало сбываться! Конечно, Танюша не поверила

в страшную силу проклятия и сама отправилась в Ведьмино. От местных жителей она узнала такое!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	80
Глава 8	91
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Дарья Донцова

Рваные валенки мадам Помпадур

Глава 1

Жизненные трудности лучше всего переживать в красивой обуви.

Я отошла от витрины магазина, моментально ступила в лужу, прикрытую палой листвой, и оказалась почти по щиколотку в воде. Ноги сразу промокли. Ну кто бы мог подумать, что в начале осени в Москве ударит мороз, с неба посыплется дождь, повалит мелкая крупа, а на тротуарах заварится грязная каша? Я планировала купить себе симпатичные теплые сапожки этак недели через три, а они понадобились уже сегодня. К сожалению, в последние годы зимой улицы Москвы поливают какой-то гадостью, и мои прошлогодние ботиночки с опушкой из цигейки пришли за пару месяцев в полнейшую негодность. На них, правда, не проступили противные белые разводы, которые появлялись на обуви в прежние годы, когда дворники высыпали на мостовые килограммы соли. Но ботиночки скукожились, покрылись трещинами, мех напоминал шубу плохо выбритого ежа, а платформы

– куски дерева, обглоданные термитами. Интересно, из чего сделан реагент, который в газетах называется «экологически безопасным»? Его готовят из реактивных отходов? Или, может, используют отбросы химического производства? Впрочем, я не специалист и не буду злопыхать – вероятно, смесь, которую щедро выплескивают поливальные машины, на самом деле не наносит вреда природе, просто я купила некачественную обувь. А еще у меня в джипе щетки никак не могут очистить ветровое стекло, а лишь гоняют по нему туда-сюда некую субстанцию, более всего похожую на жидкое масло.

Я горестно вздохнула, шагнула из лужи и незамедлительно попала в другую. Мне захотелось заплакать, но я занялась аутотренингом. Спокойно, Танечка, это всего лишь маленькая, совсем незначительная неприятность. Голос разума моментально заглушил вопль эмоций. Ага! Незначительная неприятность! Ну-ка, походите в насквозь мокрых туфлях во время стихийно возникшего холода! Мне срочно нужны новые сапоги, и я отлично знаю, какие именно. Недавно видела в глянцево-м журнале замечательную модель – нечто вроде валенок из овчины. Удобная подошва, на такой не поскользнешься, замша пропитана специальным составом, на ней не задерживается ни грязь, ни вода, и главная фишка – внутри мех, очень тепло, уютно, ну прямо как в домашних тапочках. Москвички уже оценили прелесть новинки, я сейчас на многих вижу валеночки, их называют угги. Вон идет девушка в розовых, чуть поодаль – женщина лет сорока, в

ярко-синих. Обе торопятся по своим делам, а я, как дура, мокну в луже. Но где купить угги? Мне они ни разу не попались на глаза – может, я захожу не в те магазины?

Я выбралась из очередной лужи и посмотрела на мобильный. На работе надо быть через час, а вон там, на расстоянии вытянутой руки, возвышается огромный торговый центр. Есть время в него заглянуть, авось мне повезет, и там найдутся вожаделенные угги. Впрочем, я так основательно промокла, что готова купить любую сухую обувь! А еще очень хочется горячего кофе и булочку с корицей. Конечно, с моим весом лучше ограничить себя в мучном и сладком, но от постоянной диеты у меня портится настроение. Поэтому я решила: в понедельник, среду, пятницу и воскресенье питаюсь зеленой и пью пустую воду, зато во вторник, четверг и субботу ем что заблагорассудится. Можете мне не верить, но за год я потеряла почти двадцать кило, и сейчас, когда становлюсь на весы, стрелка замирает около цифры 70. Правда, сегодня понедельник, день салатных листьев, но нет правил без исключений: я промокла и могу заболеть. А всем известно, что лучшая профилактика простуды – это горячий сладкий латте и пара плюшек. Есть запретную выпечку я собираюсь не потому, что обжора, а исключительно ради сохранения здоровья.

Договорившись с собственной слабо сопротивлявшейся совестью, я вошла в просторную галерею магазина, повернула голову и чуть не завизжала от радости.

Прямо по курсу в витрине стояло многоцветье уютных сапожек из овчины. Не веря своим глазам, я ринулась в торговую точку и спросила у продавца, меланхолично дремавшего за прилавком:

– Это угги?

Парень приоткрыл глаза и безо всякого энтузиазма ответил вопросом на вопрос:

– Что вы хотите?

– Угги, – в полном восторге повторила я.

– Мы ими не торгуем, – фыркнул юноша и попытался снова уснуть.

Я расстроилась, но потом еще раз оглядела армию изделий из овчины и возмутилась:

– Да ваш магазин забит угги, или уггами, не знаю, склоняется ли название.

Продавец молча сопел в углу. Меньше всего он хотел заниматься покупательницей, но я была полна решимости обзавестись обновкой, поэтому, бросив взгляд на беджик, который украшал свитер лентяя, громко сказала:

– Александр! Немедленно очнитесь!

Юноша вздрогнул и с трудом сфокусировал взгляд на мне.

– Что вы хотите?

– Угги, – сердито ответила я.

– Мы ими не торгуем, – зевнул Александр.

– А то, чем заполнены витрины, на самом деле – босоножки? – ехидно осведомилась я. – Или вьетнамки?

Моя настырность пришлась Александру не по вкусу, он скривился и заявил:

– Мы работаем лишь с качественным товаром, элитным, предлагаем вещи повышенной ценовой категории. Угги – ширпотреб, в них каждая вторая рассекает. А вы стоите в бутике «Дугги-плаза», который принадлежит фирме «Мадам Помпадур».

Я заморгала.

– У вас не угги, а дугги?

– Абсолютно верно, – снисходительно кивнул Александр.

– А в чем разница? – заинтересовалась я.

Продавец оттопырил нижнюю губу:

– Угги шьют из старых дряхлых баранов, а дугги производят из шерсти сумчатых годовалых зебрят серо-голубой породы. Учтите, ни одно животное не погибает, его просто вычесывают. Я зря сказал «шерсть», это – пух. Дугги производят лишь в одном селении Африки, там вот уже на протяжении нескольких столетий обитает популяция сумчатых зебр. Стадо немногочисленно, поэтому в год производится лишь двести пар, они шьются вручную, обрабатываются соком местного дерева и становятся стопроцентно водонепроницаемы. Никакой химии не применяется.

Я решила поймать парня на мелком вранье:

– А краска? У вас обувь всех цветов радуги!

Александр вдруг улыбнулся.

– Традиционный вопрос человека, который привык поль-

зоваться дешевкой. Розовые сапожки получены из пуха сумчатого зебренька, который питался побегами растения, смаживающего на нашу свеклу, синий и голубой свидетельствуют о том, что животное жевало местную глину, зеленый, ясное дело, – траву. Вам понятен процесс? Хотите померить?

Я попыталась пошевелить онемевшими от холода пальцами, не смогла и попросила:

– Несите!

Александр исподлобья взглянул на меня:

– Должен сразу предупредить: дугги имеют одно отрицательное качество. Тот, кто их надел, больше никогда не снимает. После нашей обуви невозможно пользоваться ничем иным. Это все равно что из «Жигулей» пересесть в «Роллс-Ройс». У нас есть три цвета сапог вашего размера: индиго, ярко-зеленый и апельсиновый.

– Мне лучше синий, – быстро решила я, – он подо все подойдет. А как вы определили размер?

– Я профессионал, – торжественно заявил парень.

Когда я сбросила со ступней мокрые туфли, продавец вдруг спросил:

– У вас на ногах гольфы?

– Да, а что? – удивилась я.

– Снимите их, они промокли, – посоветовал юноша.

– Разве можно мерить сапоги босиком? – возразила я. –

Это негигиенично и неудобно.

Александр улыбнулся:

– Если наденете дугги, то больше их не снимите, поверьте, сразу купите.

Я решила не спорить с ним и всунула ноги в сапожки.

Если вы мужчина, то навряд ли поймете мои ощущения. Но если женщина, то представьте: весь день вы провели на пятнадцатисантиметровой шпильке. Бегали в лодочках по офису, носились по лестницам, стояли в кабинете у шефа, встречали и провожали деловых партнеров, не присели ни разу, а потом ехали домой в вагоне метро, где не нашлось свободного места, шли пару кварталов пешком. Вползли в подъезд – увидели на лифте табличку «Не работает». Вскрабкались на пятнадцатый этаж, наконец-то очутились в своей квартире, со стоном сбросили с ног изобретение мадам Помпадур¹, сняли колготки и всунули распухшие, отчаянно ноющие ножки в просторные, уютные, родные домашние тапочки. Несчастные пальцы наконец-то вырвались из тесных объятий узкого мыска, пятка опустилась вниз, перестало ломить поясницу, а голени больше не сводит судорога. Вот оно, счастье работающей женщины, избавление от шпилек.

– Ну и как? – с любопытством поинтересовался Александр.

– Невероятно, – прошептала я, – настоящее блаженство. Тепло, мягко, удобно, восхитительно, потрясающе...

– А еще модно, – снисходительно добавил продавец, – и

¹ Изобретение обуви на каблуках приписывают малорослой мадам Помпадур, фаворитке французского короля Людовика XV.

сразу скажет знающему человеку о вашем безупречном материальном положении. Угги может приобрести любой, а вот дугги доступны лишь избранным.

– Сколько они стоят? – прошептала я.

Александр ткнул пальцем в ценник, прикрепленный к коробке.

– Сколько? – ахнула я. – Может, здесь случайно написали цену всего ассортимента?

Продавец пошел к кассе.

– Дугги – элитный товар. Это только на первый взгляд кажется, что они слегка дороговаты.

Я сглотнула слюну, «слегка дороговаты» – да расчудесные сапожки стоят немереных денег!

– Но посмотрите на ситуацию с другой стороны, – запел парень, – дугги вечны, носите их пятнадцать лет – и ничего с ними не случится. Если разделить цену на пятнадцать, потом еще раз произвести деление на двенадцать, то что мы имеем? Мелочь. Год хождения в потрясающе роскошных сапогах обойдется вам в стоимость тарелки с пельменями. Я вас убедил? Похоже, вы меня не поняли. Взглянем на положение с третьей стороны. Думаю, ваш муж...

– У меня нету супруга, – остановила я продавца.

Александр улыбнулся, словно кот перед тарелкой с мясом.

– А дети?

Я помотала головой:

– Нет.

– Престарелые родители? – не успокаивался пареньь.

– Какое отношение семейное положение имеет к покупке сапог? – вздохнула я.

Александр резко оживился:

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но у вас хорошая работа и соответственно нормальный оклад. И на что вам его тратить? Вы заслужили роскошную обувь, вам, красивой женщине, она необходима. И вспомните, дугги стоят всего ничего, если рассчитать цену их носки за один год. Впрочем, я не имею права настаивать.

Я стояла в уютных сапожках и понимала, что не могу их снять. В чем-то Александр прав: я хорошо зарабатываю и не имею близких родственников, живу в квартире Димона вместе с его кошками, бабушками и подругой Лапулей. Хозяин не желает брать с меня деньги за приют, поэтому я стараюсь почаще покупать продукты и всякие хозяйственные мелочи, но мои расходы были бы намного больше при наличии детей и супруга. А моим лапкам никогда не было так комфортно, как сейчас.

– Вот ложка, – нежно прокурлыкал Александр, протягивая железку с длинной ручкой.

– Зачем она мне?

– Чтобы надеть мокрые холодные туфли, – пояснил продавец, – если снимете уютные теплые дугги, то в чем пойдете? В своей обуви! В этом году после лета сразу наступила зима.

Я посмотрела на скукоженные баретки, представила, как натягиваю на ноги влажные гольфы, с трудом влезаю в покоробленные туфли, выхожу на улицу, попадаю в очередную лужу...

– Можно уйти в дуггах? – помимо воли спросила я, а руки уже открывали сумку, где лежал кошелек.

– Конечно, – обрадовался продавец, – я упакую в коробочку ваши... э... э... ботинки. Поверьте, вы сделали абсолютно правильный выбор. И я еще из скромности преуменьшил срок жизни дугг, рассчитал на пятнадцать лет, а по-честному, следует брать двадцать. И что у нас выйдет, ну-ка... ну-ка...

Александр схватил калькулятор:

– Да вы в них бесплатно ходите! Еще и оставите их внукам! Дугги с вами навечно! Навсегда! Можно их в гроб надеть, будете шикарно смотреться!

Я заморгала, а парень со скоростью испуганного таракана засунул мою кредитку в терминал, снял нужную сумму и заявил:

– Носите на здоровье, радуйтесь каждый день, дугги и летом хороши! В них весь Голливуд круглый год рассекает.

Я, забыв про кофе и булочки, вышла на проспект и двинулась к машине. Господи, как хорошо! Тепло, уютно, мягко, никаких каблучков и платформ. Боже, благослови сумчатых зебрят из Африки, спасибо вам, ребятки, за то, что поделились со мной своим пухом! Зеленой вам вкусной травки и

прочих лакомств побольше.

Глава 2

В кабинет Приходько я ворвалась с десятиминутным опозданием, обнаружила там, кроме Федора, незнакомого мужчину и Димона, который с легкой укоризной посмотрел на меня, а потом – демонстративно – на большие настенные часы.

– А вот и наш начальник оперативно-следственного отдела, – спокойно сказал Приходько.

– Доброе утро, – заулыбалась я, усаживаясь за стол, – извините великодушно за опоздание, попала в пробку. Не знала, что у нас в полдень совещание.

Димон незамедлительно пнул меня под столом ногой. Коробок отлично знает, что затор на дороге – отговорка. Наши машины снабжены спецсигналами: сиреной, крякалкой, квакалкой, стробоскопами, вдобавок на джипах особые номера, при взгляде на которые гаишники разом слепнут, глохнут и немеют. Даже если на глазах у дорожно-патрульной службы я нагло развернусь через две двойные сплошные линии, дорожные полицейские и бровью не поведут. А еще они не имеют возможности проверить мои документы. Приди кому-то из них в голову идея остановить мой внедорожник, я продемонстрирую особый талон, на котором стоит печать и волшебное слово «Аляска». Какое отношение к ГИБДД имеет часть земли, некогда проданная российским царем Америке,

я понятия не имею. Заламинированный прямоугольник был мною продемонстрирован лишь однажды в ситуации, когда от скорости моей машины зависела жизнь двоих детей. Я испытала легкий шок, увидав, как гаишник сначала вытянулся, отдал честь, а потом перекрыл все движение и сказал: «Хорошей вам дороги». Но Коробков в курсе, что я не стану пугать народ на шоссе, торопясь в магазин, и не считаю совещание у Приходько достойным поводом для включения sireны.

Я пнула Димона в ответ и улыбнулась во весь рот. Начальник похлопал рукой по столу:

– Прошу внимания. Давайте познакомимся. Это Иван Сергеевич Добров.

Мужчина кивнул, а шеф продолжил:

– Дмитрий и Татьяна займутся вашим делом. Я оставлю вас для детального разговора. Не торопитесь, изложите свою проблему, мои сотрудники непременно вам помогут.

Я проводила Приходько взглядом – он величественно прошествовал к двери – и подавила вздох. Кто мне объяснит, почему одни люди нам нравятся, а другие нет? Федор умный, образованный, внешне вполне симпатичный человек. Он сменил на посту Чеслава² и, надо отдать ему должное, изо всех сил старается подружиться с членами бригады. Для начала он повысил меня и Коробка в должности. Мы теперь на-

² История ухода Чеслава из бригады описана в книге Дарьи Донцовой «Агент 013», издательство «Эксмо».

чальники отделов. Соответственно выросли и оклады, а это, согласитесь, весьма приятно. Правда, у нас с Димоном пока нету подчиненных, мы руководители и исполнители в одном лице. Приходько не лебезит перед нами, он не стал резко перестраивать работу бригады. Если речь заходит о Чеславе, Федор высказывается о предшественнике с уважением и не упускает случая подчеркнуть: я тут у вас недавно и не пытаюсь изменить не мною заведенные правила. Замечания босс отпускает исключительно по делу, он всегда мил, не орет и добился повышения бюджета бригады. Димон заполучил кучу новых технических штучек и безмерно счастлив. А вот мне Приходько не по душе. Почему? Нет ответа. Мое чувство нельзя объяснить логически. Федор хорош со всех сторон, но я от него не в восторге.

Димон кашлянул, я опомнилась и взглянула на клиента:

– В чем ваша проблема?

Иван Сергеевич взял со стола стакан с водой, сделал несколько глотков и смущенно сказал:

– Придется долго рассказывать.

– Мы никуда не торопимся, – приободрил его наш компьютерный гений.

– Привыкли к задушевным беседам, – улыбнулась я.

– Как-то неудобно вываливать перед вами семейные проблемы, – смущенно сказал Добров, – поверьте, я не пришел бы сюда, не посмел бы беспокоить людей, которые занимаются особо тяжкими преступлениями, убийствами, похище-

ниями. У меня в семье все живы. Пока.

– Пока? – повторила я. – Вы подозреваете, что кто-то готовит на вас покушение? Партнеры по бизнесу?

Иван Сергеевич смутился еще сильнее.

– Я владею фирмой, которая производит натуральную косметику из российского сырья. Начал бизнес с нуля, на голом энтузиазме, сейчас он приносит стабильный доход. Конкуренция на рынке велика, зайдите в магазин и найдете там огромный выбор товара от иностранных и российских фирм. Чего только нет! Кремы, лосьоны, сыворотки, все с сильным действием, но я сделал ставку не на городского избалованного покупателя, а на сельского потребителя, который до сих пор и душой и умом остался в двадцатом веке, не доверяет новым технологиям, не понимает слов типа «дермобразия», «эксфолиант», «пилинг». У меня все очень простое, родное.

– Лосьон «Рассвет» и «Роза», крем «Любимый»? – спросила я. – Во времена моего детства у нас в ванной стояли такие.

– Точно! – обрадовался Димон. – А я помню коробочку с пудрой «Лебедь», круглую, картонную, с красной крышкой.

– Вот-вот, – кивнул Добров. – Мои автолавки ездят по провинции, там до сих пор именно подобный ассортимент пользуется спросом. Ну зачем бабушке нанотехнологии? Ей удобнее с привычным мылом и шампунем «Малыш» без слез. В общем, я никому не мешаю, супердоходов не имею, но на безбедную жизнь мне хватает.

Иван Сергеевич слегка расслабился, откинулся на спинку стула и опять заговорил. Чем дольше длился рассказ Доброва, тем больше я недоумевала. Ну что ему от нас надо?

Иван Сергеевич воспитывался одинокой мамой, которая без оглядки любила его. Анна Егоровна была неглупа, не устраивала единственному сыну скандалов, когда тот приводил в гости девушку, наоборот, всегда угощала потенциальную невесту чаем. А потом говорила Ивану:

– Какая милая девочка! Ваня, женись поскорей, хочу умереть, зная, что ты в хороших руках.

Добров, обожавший мать, пугался и отвечал:

– Ну уж нет. Придется тебе обо мне еще сто лет заботиться. Нам и вдвоем очень даже хорошо.

Но Анна Егоровна отчаянно хотела устроить семейное счастье сына и в конце концов свела Ванечку с дочерью Марии Николаевны, своей коллеги по работе. Скромная, тихая Любочка училась в институте на археолога. Ей, несмотря на все ее хозяйственные таланты, светила судьба старой девы. Люба не ходила на танцульки, не бегала с подружками в кино, не гуляла допоздна с мальчиками. Мать воспитывала дочь в строгости, потребовала от нее сначала золотой медали, а потом ждала диплома с отличием и защиты кандидатской диссертации.

Когда Любочка принесла маме «корочки», выданные ей как новоиспеченному специалисту, Мария Николаевна устроила дочь в один из музеев, а потом сказала:

– Ну, а теперь пора подумать и о семье. Надо, конечно, писать кандидатскую, но следует и личной жизнью заняться.

Любе тоже хотелось простого женского счастья, поэтому она стала присматриваться к своему окружению в надежде найти себе пару. Увы, коллеги по работе оказались преимущественно одного с ней пола. В поле зрения маячило лишь двое мужчин; сами понимаете – рабочих, электриков, охранников Люба в расчет не принимала. Обе относительно подходящие кандидатуры, старший специалист Владимир Каминский и заведомо Алексей Николаевич Бутров, были докторами наук, профессорами, творческими, талантливыми людьми и вполне приятными внешне мужчинами. Оба часто ездили за границу, хорошо одевались, имели машины и квартиры. Но, главное, они были авторитетами в своей области, а Любу всегда привлекали увлеченные люди. Красавец блондин-мачо, озабоченный исключительно походами в парикмахерскую и имеющий состояние, полученное в наследство от богатых родителей, не мог заинтересовать Любочку Казакову, ей требовался творческий человек: пусть он будет беден, зато внутренне интересен. Каминский с Бутровым отвечали всем требованиям молодой женщины, но роману мешало простое обстоятельство: оба были женаты. А увести отца от детей Казакова не собиралась, ей не позволяли моральные принципы.

Видя, что дочь остается без кавалера, мать забеспокоилась, и в конце концов они с Анной Егоровной решили по-

женить своих детей.

Брак, заключенный под давлением родителей, неожиданно оказался счастливым. Через девять месяцев после свадьбы Любочка родила дочь Надю, спустя еще двенадцать появился сын Сережа. Бабушки пестовали внуков, Иван Сергеевич затеял свой бизнес; Любочка, которой самоотверженно помогали и мама, и свекровь, не бросила работу, стала правой рукой профессора Бутрова, ездила с экспедициями на раскопки, написала две книги и пользовалась заслуженным авторитетом у коллег. Любу хорошо знали коллеги из других стран. Она владела двумя иностранными языками, поэтому, когда в музей приходило приглашение на международный симпозиум или конференцию, директор не колебался в выборе. Немаловажным фактом было и то, что Добров гордился своей женой и оплачивал ее поездки. Музей не тратился ни на билеты, ни на гостиницу, ни на суточные для Любочки.

Если в коллективе кто-то и был недоволен заграничными вояжами Любы, то ему приходилось молчать или идти к директору с более сильными козырями, которые могли бы побить свободное владение языками, профессионализм и материальное благополучие Добровой. А таких людей, что понятно, вообще мало, поэтому через некоторое время приглашения уже стали именными, они начинались со слов «Madam Dobrov».

Люба сблизилась с женой Бутрова Галиной, у нее наконец-то появилась настоящая подруга.

Пять лет семья жила в полном счастье, а потом кто-то на небесах решил, что Добровы исчерпали положительный лимит, и открыл их личный ящик Пандоры³.

У Сережи обнаружили лейкоз. Иван Сергеевич поднял на ноги всех, усиленно лечил сына, покупал самые современные лекарства, привозил лучших специалистов. Ребенок мужественно терпел болезненные манипуляции, но в конце концов врачи произнесли сакраментальную фразу:

– Простите, медицина бессильна.

Сережа умер на руках у родителей и перепуганной сестры. Смерть ребенка – страшное испытание для его родных, очень часто семья не выдерживает его и распадается. Но Добровы сплотились и продолжали жить вместе.

Когда боль от утраты Сережи слегка отпустила Ивана с Любой, на них обрушилось еще одно ужасное известие: у Нади диагностировали ту же болезнь, что и у брата.

Не дай бог кому-нибудь пережить то, что испытали отец с матерью. Правда, врачи попытались утешить Добровых, сказав:

– У Надежды картина не столь трагична, не следует терять надежду.

Фраза прозвучала ужасным каламбуром, Люба впала в истерику, Иван Сергеевич заработал гипертонию, но махнул

³ *Пандора* – богиня в Древней Греции, созданная в наказание людям за получение огня от Прометея. Она открыла ящик в доме мужа, который был братом Прометея. В ящике хранились несчастья и беды, они разлетелись по миру.

рукой на свое здоровье и бросился спасать девочку. Все началось сначала, стерильные боксы, лекарства... Положение усугублялось депрессией, в которой пребывала Наденька. Маленькая девочка видела, как мучительно уходил младший брат, и впала в отчаяние.

– Я умру, – плакала она, – Сережу не спасли, значит, и мне не помогут.

Иван пытался взбодрить дочку, но та лишь рыдала, говоря:

– Мы близнецы, у нас одна судьба.

– Солнышко, – пытался вразумить ее Иван, – вы не двойняшки, родились с разницей в двенадцать месяцев.

– Нет, нет, – мотала головой Надя, – это не считается. Мы всегда были вместе, нас звали неразлучной парочкой. Я уже не маленькая, все понимаю.

Любой доктор скажет вам, что психологический настрой больного не менее важен, чем лекарства и уколы. Если человек сдался и решил умереть, спасти его невозможно. Состояние Нади делалось все хуже, и сейчас ей требуется пересадка костного мозга.

Иван Сергеевич запнулся, снова выпил воды и продолжал:

– На беду, дочери невозможно подобрать донора: я не подошел, по базе ей тоже никого не нашли. Нужно подождать, вероятно, появится подходящий человек, но пока его нет, а время бежит, понимаете? Вся надежда на вас.

Димон нахмурился:

– Но что мы можем?

Добров отвел в сторону глаза, а я сказала:

– Я плохо разбираюсь в медицине, но слышала, что лучше всего обратиться к родственникам, родителям, братьям, сестрам. Отец не совпал по параметрам, но мать? Она определенно подойдет.

Игорь Сергеевич глубоко вздохнул:

– Люба отказывается сдавать пробу.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Отказывается сдавать пробу? Не хочет спасти умирающую Надю? Но почему?

Добров сложил руки на груди:

– Не знаю, думаю, она боится. Костный мозг для Сережи брали у нее, жене потом было очень плохо, она долго восстанавливалась. Доктора говорят, что это рутинная манипуляция, отработанная, она хорошо переносится здоровым человеком. Когда встал вопрос с Сережей, Люба первая ринулась сдавать анализы. А сейчас она увильивает, придумывает странные оправдания. Объявила себя больной, показывала градусник с высокой температурой, начала демонстративно кашлять.

– Вот видите, – с облегчением воскликнула я, – она подцепила грипп. У человека, зараженного вирусом, нельзя брать костный мозг.

Добров полез в карман и вытащил мобильный с большим экраном.

– Отличная техника, – не выдержал Димон, – с хорошей видеокамерой и кучей других примочек.

Иван Сергеевич нажал на кнопку:

– Смотрите.

Мы с Коробковым наклонились над телефоном. На экране появилось изображение женщины, она стояла в ванной у раковины, спиной к тому, кто вел съемку.

– Моя жена, – тихо пояснил Добров. – Смотрите, она открывает аптечку, достает градусник и...

– Подставляет его под струю воды, – пробормотала я. – В детстве, когда мне ну очень не хотелось идти в школу, я решила провернуть такой же фокус, но не сообразила, что отметка «42» удивит родителей, поэтому была разоблачена и примерно наказана. Люба притворяется больной?

– Да, – выдавил из себя Добров.

– Вы следили за супругой? – удивился, в свою очередь, Димон.

Иван Сергеевич взлохматил пятерней волосы.

– Нет. Я увлекаюсь видеосъемками, запечатлеваю семейные праздники, делаю любительские кинофильмы. Ну, конечно, это слишком громко сказано – «кинофильмы», так, ленты для домашнего просмотра. У Любы пятнадцатого ноября день рождения, в связи с болезнью Нади ни о каком празднике речи не идет. Но нельзя же оставить жену без внимания. Я спросил: «Какой подарок ты хочешь?» Она ответила: «Пусть Надюша выздоровеет. Пожалуйста, не трать

деньги ни на кольца, ни на серьги. Я считаю аморальным радоваться драгоценностям и другим подаркам, когда дочь на краю гибели». И тогда я решил подготовить сюрприз, тайком снять видео о жене, смонтировать и показать ей в день рождения. Люба поймет, как я люблю ее. Вот такая глупая идея.

– Очень романтично, – сказала я. – Купить шубу легко, весь вопрос упирается в деньги, а вот потратить личное время – намного сложнее.

Внезапно моя правая нога начала чесаться. Я поелозила ею под столом и продолжила:

– Люба не подозревала о съемке?

– Нет, – ответил Иван.

– Вы сказали ей, что видели манипуляцию с термометром? – заинтересовался Димон.

– Весь день мучился, собирался с духом, – промямлил Добров, – а потом решился.

– И что жена ответила? – не успокаивался Коробок.

Иван Сергеевич убрал сотовый в карман.

– Она заплакала и спросила: «Ты считаешь меня вруньей, которая не хочет помочь дочери? Я просто вымыла термометр».

– Покажите запись еще раз, – сказал Димон.

– Пожалуйста, – пожал плечами Добров, снова вытаскивая телефон.

– Можно поставить замедленный режим? – попросил Коробков.

– Без проблем, – ответил Иван.

Я уставилась на экран. Зеркало, справа полочка, на ней три зубные щетки в стаканчиках и один тюбик под названием «Нокко»⁴. Я сама пользуюсь такой пастой, мой стоматолог сказал:

– Это дешевое средство российского производства, стоит копейки, но очень хорошее, реально укрепляет десны.

Паста оказалась действенной, признаки пародонтита исчезли после трехмесячного применения «Нокко». Одна беда – на вкус и запах белое кремообразное вещество отвратительно. Паста воняет каким-то лекарством и не содержит отдушек, маскирующих горечь.

Еще было видно бутылочку с жидким мылом «Машенька», бальзам для губ «Веселый Мишка»⁵ и несколько полотенец, все с принтами на тему мультиков.

Люба протянула руку и распахнула аптечку, я невольно отметила, что на дверце красуются наклейки: лошадки, собачки, феи. Похоже, семейный быт строился вокруг Надюши. Ванную украшали для девочки, а родители пользовались детскими средствами гигиены. Жаль, не видно, что у них стоит на бортиках ванны, не удивлюсь, если там гель для мытья «Розовый слон» и шампунь «Малышам».

Женщина сунула термометр под струю, потом вынула и вытерла.

⁴ Названия придуманы автором, любые совпадения случайны.

⁵ Названия придуманы автором, любые совпадения случайны.

– Она его не мыла! – заявил Димон. – Не брала мыло, не терла пальцами, держала градусник пару секунд под водой, и все.

– Верно, – печально подтвердил Иван Сергеевич.

– Тань, не заметила ничего интересного? – поинтересовался хакер. – Твой глаз-алмаз ни на что не зацепился?

– Почему у вас нет детской пасты с ягодным вкусом? – удивилась я.

Иван Сергеевич положил ногу на ногу.

– Моя мама была стоматологом, и я отлично знаю, как важно сохранить здоровые зубы. Наденька любит мыло для рук с запахом персика, пену для ванны, от которой разит жвачкой, я не протестовал. Хотя сам выпускаю хорошие средства, приобрел для дочери импортную продукцию, но зубную пасту предпочитаю «Нокко». Здесь я тверже скалы. Сам ее произвожу и уверен в качестве. Вот вырастет Надя и скажет мне «спасибо», от всех этих апельсиновых добавок эмаль портится. – Добров замер, потом сгорбился и прошептал: – Если она, конечно, вырастет.

Я поежилась, на лице Ивана Сергеевича явно читалось горе, а глаза оставались пустыми, они напоминали пуговицы.

Глава 3

Димон отвернулся к окну, а я опять спросила:

– Что вы от нас хотите?

Иван Сергеевич лег грудью на стол.

– После того как Сережа заболел, я изучил большое количество литературы и знаю: родители не всегда годятся в доноры, но, как правило, один из них может спасти ребенка. Я сразу поторопился в лабораторию сдать анализы и выяснил, что не подхожу. Но Люба должна подойти. Мать вообще чаще с ребенком во всем совпадает. Пожалуйста, узнайте, почему она отказывается! Уговорите ее! Умоляю!

Мы с Димоном переглянулись.

– Понимаете... – осторожно завел хакер. – Мы занимаемся несколько другими вопросами, они связаны с раскрытием преступлений.

– Очень сочувствуем вашему горю, – подхватила я, – но вам лучше обратиться к психологу, психотерапевту, мы не компетентны в вашей проблеме.

– Ха! – выкрикнул Иван Сергеевич. – Все мозгоправы шарлатаны, дают глупые советы, а дурочки вроде Любы на них ведутся и давай все их указания в жизнь воплощать! К психотерапевту придется годами ходить, все они одно твердят: «Вашу проблему быстро не решить, необходимо проводить длительные сеансы, в течение года как минимум». Но

у нас нет двенадцати месяцев на душевспасительные беседы. Нет! И я не уверен, что Люба согласится пойти на это, она всегда смеялась над теми, кто обращался к психотерапевтам. Жена говорит: «Со своей головой самому разбираться надо».

– Может, ваша мать или теща попробуют выяснить правду? – робко предложил Димон.

– Они умерли, – сухо сказал Иван. – И моя мать, Анна Егоровна, и теща, Мария Николаевна. Никого нет!

– Вы упоминали лучшую подругу жены Галину, – вспомнила я, – супругу ее начальника, профессора Бутрова.

Добров опять потянулся к воде.

– Она тоже покойница, скончалась от язвы желудка. Никого нет! А счет идет на дни. Придумайте что-нибудь.

Я разозлилась на Приходько. Он определенно знал о проблеме Доброва, ему следовало категорично отказать Ивану Сергеевичу, но Федор не захотел выглядеть сволочью в глазах владельца косметической фирмы и отвел сию роль нам с Димоном.

– Умоляю, – прошептал Иван Сергеевич, – вы последний шанс Надюши. Посмотрите.

Добров вынул бумажник, открыл его и сунул мне под нос. Я увидела фотографию ничем не примечательной девочки. Простое круглое личико, серо-голубые глаза, темно-русые волосы, чуть крупноватый нос и широкий подбородок. Не красавица, но и не дурнушка, таких детей много, они не привлекают ничьего внимания. Среднестатистическая рос-

сийская малышка.

– Правда, она прелестна? – воскликнул Иван Сергеевич. – В дневнике одни пятерки. После смерти Сережи она сказала: «Я буду отличницей, чтобы вас радовать!» И держит слово, ни одной четверки! Еще она великолепно рисует, у дочери божий дар. Пожалуйста! Умоляю! Найдите подход к Любе! С женой что-то происходит, я теряюсь в догадках! Это «что-то» не дает ей стать донором. Федор сказал, что вы часто работаете под прикрытием, внедряетесь в какую-нибудь организацию, входите в чужую семью, прикидываясь дальним родственником, и можете все разведать. Неужели смерть маленькой девочки ничто по сравнению с пойманным преступником? Я заплачу любые деньги! Продам бизнес.

Я отодвинула фотографию:

– Мы попытаемся.

Димон опять пнул меня под столом.

– Мы попытаемся, – повторила я, – но не гарантируем успешного результата. Если Люба отказывается помочь родной дочери, значит, причина весьма серьезна. А у нас мало времени. Мы не психотерапевты, годами одним делом не занимаемся. Надеюсь, вы понимаете: ваша жена не раскроет душу посторонней женщине. Мне надо с ней подружиться.

Иван Сергеевич стал судорожно ломать пальцы.

– Вчера Надюше начали давать новейшее, очень мощное лекарство. Это последняя попытка остановить болезнь медикаментами. Курс рассчитан на две недели. Если анализы

улучшатся, у нас появится шанс. Если нет, потребуется срочная трансплантация.

– Четырнадцать дней, – шелкнул языком Димон, – мало как-то.

– Значит, надо успеть, – остановила я Коробка. – Начнем прямо сейчас. Димон, рой информацию по своим каналам. Нужно выяснить Любину биографию в мельчайших деталях. А вы, Иван Сергеевич, ответьте на мои вопросы. Заранее прошу извинить, если они вам покажутся бестактными, но времени на соблюдение китайских церемоний у нас нет. Если я поинтересуюсь интимными подробностями вашей жизни, не возмущайтесь, не конфузьтесь, а отвечайте быстро, четко, ясно. Необходимо срочно придумать мне легенду, причем такую, чтобы Люба пошла на доверительный контакт со мной.

...Около шести вечера я вошла в здание музея изящных искусств⁶ и спросила у гардеробщицы:

– Где здесь отдел профессора Бутрова?

– Ступайте по коридорчику до двери с номером семь, только бахилки наденьте, – доброжелательно ответила старушка.

Я взяла у служительницы голубые полиэтиленовые мешочки, натянула их на дугги и, засунув руку в голенище, почесала лодыжку.

– Только Алексея Николаевича нет, – продолжила пенси-

⁶ Название придумано автором.

онерка, – из сотрудников осталась одна Любовь Доброва, все в пять уходят, а она в последнее время до девяти сидит – видно, книгу пишет.

Я поблагодарила милую старушку, быстро добралась до кабинета, постучала, услышала вежливое «Входите», сделала глубокий вдох и выдох, призвала на помощь все актерские способности и вошла в большую комнату, заставленную столами и шкапами и заваленную всякой ерундой.

Худенькая светловолосая женщина оторвалась от толстой папки:

– Вы ко мне?

Я прищурилась:

– Ищу сотрудников профессора Бутрова.

– Я его заместитель, Любовь Доброва, – представилась дама, взяла со спинки стула шаль и закуталась в нее.

– Любовь Доброва? – повторила я. – Удивительное дело. Вы до невероятности похожи на мою соседку по парте Любочку Казакову. Мы дружили с первого класса. Ах, какие потрясающие пироги пекла ее мама Мария Николаевна! К сожалению, когда мы перешли в пятый класс, мои родители уехали из Москвы, и общение прервалось.

Люба привстала:

– Как вас зовут?

– Зина Савельева, – представилась я, – вернее, теперь Панферова. Я окончила университет в Екатеринбурге, вышла замуж, родила дочь – в общем, все как у людей. Муж,

правда, не особенно много зарабатывает, теперь мужчины не добытчики, он преподает русский язык и... О господи! Извините! Я разболталась до неприличия! Вы просто поразительно похожи на мою любимую подружку Любочку, поэтому я и начала трепаться.

Доброва привстала:

– Зина! Вот это встреча! Я Люба Казакова, Доброва – моя фамилия по мужу.

Я отступила на шаг:

– Не может быть.

– Невероятно, – подхватила Люба, – прости, но ты...

– Здорово потолстела и изменилась, – улыбнулась я, – время не красит. Меня понесло в стороны после рождения дочки.

– И у тебя были темные кудрявые волосы, – сказала Люба.

Я засмеялась.

– Ну, это не проблема! Мужу я больше нравлюсь русой.

Слушай, а как Мария Николаевна?

– Она умерла, – после небольшого колебания ответила Люба.

– Очень тебе сочувствую, – сказала я, – а Антон Семенович?

– Тоже, – уточнила «подруга».

– Вот жалость, – пригорюнилась я, – я их часто вспоминала. Твой папа здорово рисовал.

Лицо Любы слегка разгладилось.

– Было дело.

– Я очень любила ходить к тебе в гости, – затараторила я, – мои родители постоянно ругались, а у вас было хорошо. А еще кошка Муся! Мне не разрешали заводить животных.

– Муськи давно нет, – буркнула Люба.

Я без приглашения села на стул.

– Живешь по старому адресу, на Лесной?

– Нет, переехала к мужу, – без особой радости сообщила Люба.

Я сказала:

– Жаль, что не осталась в родительской квартире. Помнишь, в конце Лесной стояли полуразрушенные красные кирпичные дома? Нам туда ходить не разрешали, а мы один раз полезли, спустились в подвал, ты попала ногой между железными трубами. Я пыталась тебя выручить, а затем понеслась в милицию, благо отделение было рядом! Ой, как мы потом упрашивали участкового не сообщать родителям! И ведь не выдал!

Люба вскочила и бросилась ко мне:

– Зинуля! Это все-таки ты!

Я прижала к себе худенькую, как подросток, Доброву.

– Ну конечно! Кто ж еще!

А теперь оцените гениальность Димона! За час с небольшим он раздобыл телефон бывшей классной руководительницы Любы, пообщался, выяснил, что у девочки Казаковой была подружка-одноклассница Зиночка, чьи родители пода-

лись на Север за длинным рублем, разыскал эту женщину и соединился с ней по телефону. Уж не знаю, что Коробок напел тетке, но она рассказала про некоторые детские шалости, вспомнив историю с подвалом и добрым милиционером.

Вообще-то легенду для сотрудника под прикрытием за пару часов не слепить. Создание убедительной биографии – дело долгое, любой просчет может стоить члену бригады жизни. Необходимо учитывать мельчайшие детали, иметь ответы на все вопросы, спокойно сказать тому, кто спросит: «Слушай, твой дед работал в НИИ?» – «Понятия не имею, он умер до моего рождения, я не интересовалась биографией старика».

Но для Любочки хватило сообщения про случай с железными трубами: никто, кроме нее и Зины, в забаве не участвовал, и Доброва поверила, что видит подругу детства.

– Господи, Зинка, каким ветром тебя занесло к нам в музей? – радовалась Люба.

– Я владею небольшим издательством, – ответила я, – пытаюсь выжить среди конкурентов, решила сделать ставку на путеводители. Придумала оригинальную форму. Обычно просто указывают музей и его часы работы, а я решила еще взять краткие интервью у ведущих сотрудников, сделать несколько фото, представить хранилище в самом выгодном свете. Вы же вроде заинтересованы в экскурсантах?

– Ну конечно, – кивнула Люба, – все музеи мира зарабатывают на туристах и продаже сувениров. Не могу понять,

почему Москва, в которой такое огромное количество уникальных коллекций, не привлекает народ из всех уголков России. Вот, например, американцы озабочены тем, чтобы дети знали родную историю. Школьников из любого медвежьего угла непременно привезут и в Нью-Йорк, и в Вашингтон, проведут по всем значимым местам, начиная от статуи Свободы и Пентагона до музеев, рассказывающих о быте переселенцев. А у нас ребенок из Твери не всегда попадет в Москву, а если уж родители его сюда привезли, то объектом экскурсии станут ГУМ, ЦУМ и прочие магазины. Пересекут Красную площадь, помчатся в торговые ряды, пробегут мимо Исторического музея, даже нос туда не сунут. Ну почему так?

Я вздохнула:

– Наверное, в Америке хорошо развита сеть дешевых отелей, зарплаты у них пожирнее, патриотизма побольше. Я с тобой согласна, надо, чтобы дети изучали историю своей страны и мира, поэтому и озаботилась путеводителями. Хочу предложить и вам. Людям, которые во время посещения экспозиции продемонстрируют мой путеводитель, вы покажете нечто особенное. Вот, например, с галереей современного искусства мы договорились: как только они увидят мое издание, дадут возможность человеку полюбоваться открытками тридцатых годов, они у них не в залах, а в фонде. Понимаешь?

– Неплохо придумано, – одобрила Люба, – но тебе лучше

побеседовать с Алексеем Николаевичем Бутровым. Он должен завтра к полудню прийти. Слушай, что мы все о делах, расскажи, как у тебя жизнь течет. Ты замужем? Дети есть?

Я заулыбалась:

– Дочка, зовут Наденькой. Пошла во второй класс, хорошая девочка, но, к сожалению, она родилась слабенькой, долго болела. Мы с мужем ее постоянно лечили, потом нам поставили такой страшный диагноз, что и говорить не хочется. Лейкоз. Тебе лучше не знать, что мы пережили. Но сейчас, тьфу-тьфу, ничего. Хотя, конечно, было очень трудно, больницы, процедуры, не передать словами. Ну и еще я ее избаловала, любые капризы выполняла, ни в чем Надя отказа не знала, только скажет: «Хочу», – мы с отцом в зубах приносим. Сейчас приходится с ее характером бороться, в нашем лексиконе появилось слово «нет», а оно Надюше не очень-то нравится. Крайне трудно правильно воспитывать девочку с тяжелой болезнью, волей-неволей думаешь: сейчас откажу, не куплю ей новый компьютер, а вдруг...

Я махнула рукой и отвернулась к окну, Люба встала, открыла шкаф, достала коробку конфет, банку растворимого кофе, чашки, включила чайник и тихо произнесла:

– Я никогда не верила во всякие чудеса, но сейчас подумала, что кто-то послал тебя сюда специально.

– Точно, – улыбнулась я, – имя ему банк «Маркус». Мне там в свое время кредит на организацию издательства выдали, теперь очень хотят денежки вернуть с немалыми процен-

тами. Поэтому я и мотаюсь в Москву, ищу новые возможности для бизнеса.

Люба насыпала в чашки коричневый порошок.

– Некто специально прислал тебя сюда в самые тяжелые дни моей жизни.

– Что случилось? – испуганно спросила я.

Доброва села на стул и обхватила плечи руками:

– Последний месяц меня постоянно в ознобе колотит.

– К врачу не ходила? Может, у тебя грипп? – выдвинула я глупое предположение.

Люба помотала головой:

– Все намного хуже. Да я готова весь остаток жизни болеть, пусть меня бьет лихорадка, ломит кости. Дело в другом. У меня есть дочка, ее зовут, как твою, Наденькой, и она тоже второклассница.

Я всплеснула руками:

– Ну надо же! Нам понравилось одно имя.

Доброва поежилась.

– Надя больна, у нее лейкоз. Лечение особого результата не дало. Сейчас ее посадили на новое лекарство. Если через две недели врачи не отметят хоть крошечную положительную динамику... хоть капелюшечку... она умрет, как ее брат Сережа.

Люба разрыдалась, я бросилась к ней, обняла и, чувствуя себя полной сволочью, начала утешать, приговаривая:

– Успокойся, ты должна быть сильной, всегда есть шанс.

Мою же вылечили. Сотни детей уходят из онкологического центра здоровыми.

Любовь внезапно перестала плакать, вытерла лицо салфеткой и горько сказала:

– Вам повезло, а над нами рок тяготеет. Сначала Сереженька, теперь Надюша. Может, дело во мне? Передала детям кривую генетику. Дурная кровь заразна! Ох, как мне страшно делается, когда про черную кровь думаю!

– Ученые пока не говорят о генетической природе онкологии, – сказала я. – Речь идет лишь о предрасположенности. И у ребенка двое родителей, не следует обвинять исключительно себя.

– Нет, – прошептала Люба, – я знаю, дело именно во мне. Сама не болею, а детей убиваю. Ну как английская королева Виктория, она ведь гемофилией не страдала, а ухитрилась подарить ее огромному количеству своих родственников мужского пола. Сын Николая Второго, последнего российского царя, практически не мог ходить, а кто виноват? Королева Виктория!

– Наука развивается, – остановила я Любу, – вам сделают операцию по пересадке костного мозга.

Доброва оттолкнула меня.

– Но Сережа-то умер! Я же стала для сына донором! У Нади нет шансов!

– Почему? – поразилась я.

– Муж не подходит, – пробормотала Люба.

– Остаешься ты, – решительно сказала я, – из пары родителей один непременно годится. Прекрати плакать, возьми себя в руки, немедленно сдай анализы. Слезами горю не поможешь, извини, конечно, за банальность, но от частого повторения простая мысль не стала неправильной. Жизнь Нади в твоих руках. Прямо завтра беги в лабораторию, не смей падать духом, будь уверена в том, что Надюшу непременно спасут! Твоя убежденность передастся девочке, дети всегда верят родителям, Надя поймет: мама не сомневается в благополучном исходе, и поправится.

Люба вцепилась пальцами в свои колени:

– Я не могу сдать костный мозг.

– Почему? – задала я главный вопрос беседы. – Назови хоть одну причину.

Глава 4

Доброва сжалась в комок.

– Не могу.

– Ты дура, да? – выпалила я. – Девочка в тяжелом состоянии, а мать растеклась, как подтаявшее желе? Не знаешь, что в такой момент тебе надо стать сильной?

– Я уже проходила это один раз, – промямлила Люба, – с Сережей. Очень тяжело потом восстанавливалась, и все мучения оказались зряшными.

– А Надя выздоровеет! – воскликнула я.

– Нет, – прошептала Люба, – господи, Зина, никто меня не поймет. Чтобы оценить положение, нужно очутиться на моем месте.

Я набрала полную грудь воздуха и продолжала исполнять свою роль:

– Ну, я была на твоём месте, у меня за плечами больница, операция, но я старалась держаться. Пойми, больному ребёнку намного хуже, чем родителям. Давай расставим точки над *i*. Отцу с матерью невыносимо потерять малыша, но умрет-то он, а не взрослые, вы останетесь жить. Надя считывает с твоего лица все эмоции. Если она заметит у тебя панику, то поймет: шансов на выздоровление нет – и перестанет бороться. В психологической литературе описаны случаи внушения. Если здоровому человеку твердить: «У тебя

больное сердце, у тебя больное сердце, у тебя больное сердце», то он умрет от инфаркта. Назови хоть одну причину, по которой ты не можешь стать донором для Нади! Немедленно!

Люба закрыла глаза:

– Мой костный мозг! Я больна.

Я опешила:

– Чем?

Доброва вновь обхватила себя руками и затряслась, словно выброшенная на мороз кошка.

– Проклятие фараона.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Проклятие кого?

– Фараона, – пролепетала Люба. – Много лет назад исследователи вскрыли древнее захоронение. Местные жители предупреждали: «Не нарушайте покой мумии, она отомстит». Руководитель группы посчитал все это бреднями. Умершего сотни лет назад правителя доставили в музей для изучения. Так вот, в течение года погибли все, кто так или иначе был связан с теми раскопками, включая пилота, перевозившего мумию.

Я села на корточки перед Добровой.

– Я слышала об этом. История была загадочной, пока уж не помню кто и в каком году не объяснил произошедшее. Когда ученые вошли в погребальную камеру, они вдохнули споры особой плесени, которые сохранились в гробнице. Веро-

ятно, местные жители говорили правду. Как правило, в любой легенде есть рациональное зерно. Сказание веками передавалось из уст в уста, жрецы были умными людьми, они хотели предостеречь потомков от опрометчивого шага, запретить им нарушать покой мертвых.

– Нет, – уперлась Люба, – проклятие существует. Почему погиб пилот, а? Он лишь перевозил хорошо упакованный саркофаг. Ладно, археологи подышали воздухом со спорами, но летчик? Он не видел мумию, не заходил в склеп. Знаешь причину? Пилот похлопал по крышке гроба рукой и сказал: «Ну, старые кости, вам и не снилось, что будете летать. Небось живой фараон удрал бы в ужасе от самолета, а вот мертвый в моей власти. Вот так проходит слава земная. Сам правил огромной страной, колыбелью цивилизации, а нынче попал в распоряжение простого парня. Не бойтесь, косточки, доставлю вас в целости и сохранности». Понимаешь, он оскорбил фараона, а тот отомстил.

Я села на стул.

– Ладно, если тебе охота верить в сказку, спорить не буду. Но какое отношение госпожа Доброва имеет к давней истории? Только не говори, что участвовала в тех раскопках!

Люба схватила чашку и одним глотком опустошила ее.

– Нет. Но чуть более года назад мы... ну... в общем... короче... Дурная кровь! Мне страшно, я боюсь за Надюшу! Меня охватил настоящий, ненаигранный гнев.

– Немедленно все выкладывай! И прекрати пороть чушь!

Долгова схватилась за голову руками и, раскачиваясь, словно китайский болванчик, начала говорить.

В начале лета прошлого года Алексей Николаевич Бутров отправился на раскопки. Около одного села он нашел захоронение молодой женщины, скорее всего представительницы богатого, знатного рода. Бутров надеялся обнаружить в могиле много интересного. Алексея Николаевича сопровождали Люба, несколько сотрудников и студенты-добровольцы. Кроме работы в музее, Бутров еще ведет преподавательскую деятельность, он великолепный лектор, поэтому около него всегда много молодежи.

Когда группа раскинула палатки и начала работу, к ним подошел местный житель, по виду старик, и нараспев произнес:

– Уходите: кто останется – обязательно умрет.

Бутров не первый раз столкнулся с агрессивной реакцией местного населения, поэтому спокойно ответил:

– Огромное спасибо, дед, но мы отсюда не уйдем до осени.

– Копать продолжите? – уточнил старик.

– Будем действовать аккуратно, – пообещал начальник экспедиции, – затронем лишь огороженный квадрат.

– Не надо, ребятки, – попросил дед.

Алексей Николаевич решил уладить дело миром. Вступать в конфликт с уважаемым жителем села не входило в планы ученого. Он вежливо продолжил:

– Здесь, под землей, хранятся уникальные ценности. Мы

их достанем, отреставрируем, выставим в музее и снабдим табличкой с указанием, где найдены раритеты. Ваша деревня прославится на весь мир.

Бутров полагал, что старик обрадуется, но тот насупился еще сильнее:

– Не надо нам шума. Если нарушите покой княжны, все умрете. Так гласит легенда.

В Алексее Николаевиче моментально проснулся ученый.

– Какая?

Дед завел долгую историю, смысл которой легко укладывался в одну фразу: все, кто нарушит покой, умрут!

Когда старик умолк, Алексей Николаевич твердо заявил:

– Мы останемся. Простите, вам лучше нам не мешать.

– Лады, – кивнул старик, – мое дело – предупредить.

Захоронение было вскрыто. Ученых ожидала невероятная удача. В могиле обнаружилось огромное количество хорошо сохранившихся предметов и украшений. Алексей Николаевич ликовал, это был значимый шаг в его карьере. До сих пор все раскопки, проведенные Бутровым, не давали столь ярких плодов. Вместе с ученым приехала его жена. Галина взяла в руки кисть и тоже копошилась на огороженном квадрате земли в качестве волонтера. Алексей Николаевич, окрыленный небывалым успехом, решил расширить зону раскопок. Что-то подсказывало ему: могила не одна, рядом непременно отыщется вторая. И что бы вы думали? Бутров оказался прав.

Неподалеку от холма, под которым лежали останки княжны, обнаружилось еще одно женское захоронение, совсем не богатое. Умершая девушка была бедной, незнатной. Кто-то из членов группы, вероятно какой-нибудь студент, позвонил в газету и рассказал об экспедиции. Не прошло и суток, как в село нагрянули журналисты. Стоял июнь, время, когда светская жизнь в Москве замирает, нюсмейкеры разлетаются по пляжам, и пресса готова на все ради любой новости. Корреспонденты моментально придумали легенду: княжна и прислуга были любовницами, богатые родители пришли в ужас, узнав, с кем состоит в связи дочь, и убили обеих.

Напрасно Алексей Николаевич пытался вразумить борзописцев, говоря:

– Ни малейших доказательств этому нет. Да, девушка, вероятно, была кем-то из свиты, ее могли похоронить рядом с княжной для того, чтобы она помогала госпоже в загробном мире. Но при чем здесь лесбийские отношения?

Разумный ответ на возмущенный вопрос Бутрова мог быть только один: потому что мы хотим привлечь к изданию большое количество читателей. Все выдумки «золотых перьев» в конечном итоге преследуют две цели – увеличить тираж и заработать себе имя создателя сенсаций. Найденных девушек называли Татьяной и Ольгой.

– Точно! – воскликнула я. – Вспомнила! Как раз в те дни я подхватила грипп, провалялась неделю в кровати с температурой и от скуки постоянно смотрела телик. По какому-то

дециметровому каналу шла передача о девушках, живших чуть ли не в пятнадцатом веке, Ольге и Татьяне, которых утопили за нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Люба кивнула:

– Верно. Откуда журналисты взяли версию об утопленниках? Там рядом – ни реки, ни озера. Хорошо хоть не сообщили, что бедняжек расстреляли из автомата Калашникова. Но хуже всего то, что один из корреспондентов порасспрашивал местных жителей, и тот старик озвучил историю о проклятии.

Полоумный дед не испугался камеры, не засмутился съёмочной группы, а прямо в объектив заявил:

– Гробокопатели умрут.

– Правда? Не верю! – решил подначить его парень с микрофоном.

– Да, – каркнул дед, – станут уходить по одному, постепенно. Я вижу, вижу черное облако.

Группа Бутрова была предупреждена о приезде съёмочной бригады. Алексей Николаевич с коллегами пришли к телевизионщикам. Профессор был до глубины души возмущен поведением людей, которые сделали из его серьезной научной работы цирковое шоу, поэтому решил сказать свое слово. Можно лишь посмеяться над наивностью ученого, который счел, что теледеятели призадумаются, услышав здравые аргументы, смутятся, попросят прощения и уедут прочь. В тот момент, когда старик нес благоглупости про прокля-

тие, Бутров не выдержал и воскликнул:

– Прекратите этот паноптикум! Господа, разве вы не видите, что перед вами темный, дремучий человек? Чем меньше образован человек, тем сильнее его вера в черную магию, проклятие, инопланетян и прочую лабуду. Давайте лучше расскажу вам об уникальном сосуде для хранения благовоний, который мы нашли в усыпальнице.

Но старик не дал себя в обиду, он ткнул пальцем в Галину и возвестил:

– Она умрет первой! На исходе лета заболит. Ее съест желудочная волчица.

Жена Бутрова попятилась. Галя была здравомыслящим человеком, она понимала: болезни под названием «желудочная волчица» не существует. Но, согласитесь, неприятно, когда на вас указывают, громогласно предрекая скорую кончину. Мерзопакостный дед даже назвал день, когда Галине предстояло уйти на тот свет: второе сентября.

Увидав произведенный эффект, старикашка вдохновился и повернулся к Майе Матвиенко, студентке пятого курса, дипломнице Алексея Николаевича, и продолжил:

– А эта помрет в декабре, за день до Нового года. Желудочная волчица сгрызет ее изнутри.

– Велите ему заткнуться! – закричала Галя.

Владимир Каминский, сотрудник отдела Алексея Николаевича, ринулся было к деду. Володя в апреле развелся с женой и с той поры постоянно с кем-нибудь ругался – сдали

нервы. Он явно хотел дать старику в нос, но тот гаркнул:

– Ты тоже подохнешь! В марте!

Каминский замер, и всем стало ясно: он испугался.

Оператор в полном восторге запечатлевал скандал, дед вел себя свободно, а ученые выглядели не слишком уверенно. Уж не знаю, имел ли старик экстрасенсорные способности, но он решил добить противника и завершил цикл предсказаний.

– Осенью желудочная волчица сожрет ее! – корявый палец старика указал на Любу. – А потом уж ихний самый главный в загробный мир уйдет, в декабре землю покинет. Его волчица напоследок оставит. Пусть на дело своих рук полюбуется! Послушал бы меня, не тронул могилы, ничего бы и не случилось. А теперь волчицу не остановить!

На этой стадии разговора Люба потеряла сознание. Очнувшись она в своей палатке, около нее сидела бледная Галина, которая рассказала подруге, что случилось после того, как ее унесли.

– Мерзавец! – закричал Алексей Николаевич. – У Любы умер сын! Я с трудом уговорил Доброву принять участие в экспедиции, надеялся отвлечь ее от тяжелых мыслей, вытащить из депрессии! А ты тут гадости вещаешь! Телевидение, почему вы снимаете происходящее? Немедленно прекратите и накажите пакостника!

– У нас свободная страна, каждый имеет право на собственное мнение, – парировал режиссер.

Бедный профессор не понимал, что телевизионщики в восторге от скандала. Если во время программы действующие лица начинают швырять друг в друга разные предметы, плескать в лицо водой, рвать волосы на голове у оппонента, то рейтинг шоу зашкалит за верхний предел.

Мало-мальски знакомый с закулисной стороной съемок человек не доставил бы радости съемочной бригаде, он удержался бы от бурного проявления эмоций, но Алексея Николаевича затопило благородное негодование, он кинулся на довольно ухмыляющегося деда. На помощь старику ринулся кто-то из местных, Володя Каминский засучил рукава и бросился защищать начальника. В общем, у теледеятелей получилась расчудесная программа. Хорошо хоть ее показали в середине августа, в пятницу вечером, около семи часов. В это время одна часть москвичей находилась в отпуске, а другая давилась в пробках, пытаясь съехать с МКАДа на загородные шоссе.

В конце августа зарядили затяжные дожди, экспедиция Бутрова свернула лагерь и уехала.

Любовь примолкла, потом опустила голову и еле слышно произнесла:

– Второго сентября Гале внезапно стало плохо, у нее пошла кровь горлом. «Скорая помощь» увезла мою подружку с диагнозом «прободение язвы желудка». Ей сделали спешную операцию, ее проводил главный врач клиники, друг Бутрова, Вениамин Михайлович Аверин. Но Галочка скончалась, все

произошло именно так, как и предсказал старик.

Глава 5

– Понимаю твое состояние, – кивнула я, – но это всего лишь совпадение. Прости, я не верю в загробную месть мертвецов. Все случаи смерти археологов и ученых имели логическое объяснение. Ты же понимаешь, что «желудочной волчицы» не существует.

Люба вскинула голову:

– Малообразованный старик просто не знал, как правильно назвать болезнь. Он всего лишь повторил слова, которые произносили его родители или дед с бабкой. Слышала про свинку? Она случается в основном у детей школьного возраста.

– Конечно, – ответила я, – сама получила эту инфекцию то ли в четвертом, то ли в пятом классе.

Люба сложила руки на груди:

– У ребенка распухает шея, округляется лицо, малыш делается похож на поросенка, поэтому в народе и говорят «свинка». Еще есть слово «заушница». Но возьми большой медицинский словарь. Там статьи «Свинка» или «Заушница» не найдешь, зато обнаружишь «Эпидемический паротит». Много тебе известно людей, которые говорят: «У моего сына эпидемический паротит»?

Мне пришлось признать правоту Доброй:

– Ну, нет.

– То-то и оно, – медленно произнесла Люба, – под словами «желудочная волчица» скрывается язва.

Я решила внести в бредовый разговор толику разума:

– Мне очень жаль Галину, но...

– Она была единственным человеком, с которым я могла быть откровенной, – перебила меня Доброва, – тихая, умная, душевная. Счастье иметь такую подругу.

– Но, – повторила я, – ее кончина всего лишь совпадение. То, что Бутровой стало плохо именно в начале сентября, ни о чем не свидетельствует.

Люба неожиданно усмехнулась:

– Правда? Ты не дослушала. Тридцатого декабря скончалась Майя Матвиенко. Симптомы болезни один в один повторились. Сначала девушке стало плохо, у нее закружилась голова, появилась тошнота, резь в желудке. «Скорая помощь» отвезла бедняжку в больницу, где ей поставили диагноз «прободная язва желудка», спешно провели операцию, и через сутки тело Майи очутилось в морге. Скажешь, это тоже совпадение?

Я растерялась, но твердо заявила:

– Да! Случается и такое.

Доброва вскинула брови;

– Зина, прекрати! Старик пообещал Галине смерть второго сентября, а Майе за день до Нового года. Именно так и произошло.

В первую секунду я не нашла возражений, но потом отыс-

кала аргумент:

– Гадкий дед ошибся. Майя умерла не тридцатого, а на следующие сутки.

– Смешно, – тихо произнесла Любовь, – но, думаю, твое веселье мигом испарится, когда ты услышишь о судьбе Каминского.

Я невольно вздрогнула:

– А с ним что?

Доброва повернулась лицом к окну:

– Скончался. В марте. Десятого числа. Течение болезни как под копирку: головокружение, тошнота, рвота, резкая боль в желудке и смерть через сутки после первых проявлений заболевания. Врачи были не оригинальны, они опять заявили о прободении язвы. Ну, чего молчишь?

– Думаю, – ответила я, – тут возможны варианты.

– И какие? – хмуро спросила Люба. – Я следующая. Жить мне осталось совсем мало. Понимаешь, почему я не стану сдавать костный мозг для Надюши?

– Не очень, – буркнула я.

Доброва села на стул.

– Ты дура, да? Если у меня «желудочная волчица», то Надя умрет, заразившись неведомой болячкой.

– А если у тебя ничего нет? – парировала я.

– Скоро узнаем, – мрачно заявила Люба, – ни Володе, ни мне, ни Алексею Николаевичу старик не сообщил точной даты ухода. Каминскому и Бутрову назвал месяц, а мне лишь

объявил время года: осень. Сейчас конец сентября, впереди октябрь и ноябрь.

Я откашлялась:

– Послушай. Вполне вероятно, что Майя, Галина и Владимир действительно умерли от прободения язвы.

– Все трое? – с иронией перебила меня Доброва.

Я начала спорить:

– Между кончиной жены профессора и его дипломницы прошло много времени. Раньше врачи считали, что язва желудка является результатом неправильного питания. Ну, ел человек целыми днями соленое, острое, копченое, пил газированные напитки, не завтракал, перегружал желудок на ночь и получил эрозию слизистой. Но теперь известно: в возникновении язвы виновата бактерия «хелиобактер»⁷. Доктора говорят, что язва – семейная болезнь. Если ее диагностируют у жены, то с большой долей вероятности бактерия попала и в организм мужа. Общий быт способствует распространению заразы.

– Почему тогда не больны все поголовно? – фыркнула Люба.

– А по какой причине в эпидемию гриппа не все становятся жертвой инфекции? – парировала я. – У людей разный иммунитет. Ты проверялась на язву?

⁷ Татьяна не совсем права. Да, часто язву вызывает *Helicobacter pylori*, но бывает и вариант болезни от неправильного питания, нервного срыва или избыточного приема разных лекарств.

– Угу, – после короткого молчания ответила Люба.

– И каков результат? – не успокаивалась я.

– Вроде пока здорова, – без особой радости ответила Доброва.

– Вот видишь! – воскликнула я. – Ни малейшей опасности для Нади нет! Прямо завтра беги в лабораторию.

– Нет, – отрезала Люба, – у всех нас какая-то «желудочная волчица», врачи ошибочно приняли ее за язву, она очень на нее похожа, вот только не лечится.

– Черт возьми, – выпалила я, – просто мракобесие какое-то. Ты ставишь под угрозу жизнь ребенка. У твоей дочери онкология, вот она реально опасна.

– Наде вводят новое лекарство, – возразила Доброва. – Пересадка костного мозга ей не понадобится.

– А если не поможет? – закричала я. – Как ты потом будешь жить, зная, что могла спасти дочь, но не захотела?

У Любы затряслась голова.

– Вдруг я еще и не подойду как донор, – прошептала она.

– Маловероятно, – возразила я. – Медицина утверждает, что один из родителей – идеальный поставщик костного мозга, чаще мать, реже отец.

Доброва взяла чашку с кофе, отхлебнула, закашлялась, потом сказала:

– Когда я сдавала анализ на совместимость с Сережей, со мной лежала Нина Репьева. Так вот, ни она, ни ее муж не подошли как доноры своей дочке Ларисе. Врачи посовето-

вали Нине родить еще ребенка, малыш мог стать донором. Фокус состоял в том, что Нина на тот момент была разведена с супругом. Юрий успел жениться, он хорошо относился к Ларе, был согласен отдать ей свой костный мозг, но зачинать с бывшей женой ребенка наотрез отказался.

Я не поняла проблему.

– Нине следовало найти другого мужчину. В конце концов, можно обратиться в банк спермы.

Доброва внимательно посмотрела на меня.

– Странно слышать от тебя такое заявление. Неужели, пока ты лечила свою девочку, ни разу не видела подобного? Чтобы второй ребенок стал идеальным поставщиком костного мозга для первого, он должен быть произведен на свет теми же родителями. Репьева в ногах у второй жены мужа валялась, а та твердила:

– Нет! Если Юрка приблизится к бывшей ближе чем на метр, я разведусь с ним.

В результате донора Ларисе не нашли, и она умерла.

Я поежилась.

– Ужасная история. Но к чему ты мне ее рассказала?

– К тому, что иногда оба родителя не подходят, – выдохнула Люба.

– Но ты подошла для Сережи, следовательно, можешь спасти Надюшу! – воскликнула я.

– Сережа умер, – напомнила Доброва. – Если Господь захочет, он заберет ребенка. Как ни борись, что ни делай, а с

божьей волей не поспоришь.

Я решила не идти на попятный:

– Нельзя же быть уверенной до анализа. Просто сдай кровь.

– Нет, – процедила Люба, – нет!

Разговор пошел по второму кругу, я снова спросила:

– Почему?

– У меня «желудочная волчица», – объявила Доброва, – она непременно убьет дочку.

– А если я сумею доказать, что ты здорова и никакой чертовой «волчицы» в природе не существует? – спросила я. – Тогда отправишься на анализ?

– Конечно, – быстро ответила Люба.

Я перевела дух. В конце темного тоннеля забрезжил тонкий луч света. Дело за малым: смотаться в деревню, где живет отвратительный дед, и заставить его сказать Добровой: «Я все выдумал».

– Дай мне адрес села, где производились раскопки, – велела я, – и назови фамилию того, кто работал жрецом дельфийского оракула⁸.

– Зачем? – насторожилась Доброва.

– Завтра с утра я помчусь туда и вернусь вместе с предсказателем, который объяснит, что просто решил попутать

⁸ Дельфийский оракул – место прорицаний при храме Аполлона в Дельфах. Согласно греческой мифологии, был основан самим Аполлоном на месте его победы над чудовищным змеем Пифоном. Дельфийский оракул, которым заведовала жрица (пифия), был одним из главных в эллинском мире.

археологов, – пообещала я. – Вероятно, вы раскинули лагерь на том месте, где он всю жизнь грибы собирает, вот и решил прогнать ученых.

– Ой, не хочу я с ним встречаться! – взвизгнула Люба. – Боюсь его до смерти!

Мне заявление Добровой показалось абсолютно нелогичным. Если ждешь, что за тобой вот-вот явится старуха с косой, чего пугаться деревенского колдуна? Что более страшное он тебе пообещает? Неужели Любе не хочется уцепиться хоть за краешек надежды? Если старик признается во лжи, она может без опаски стать донором для девочки.

– Нет, нет, – затряслась Доброва, – нет.

Я поспешила успокоить ее:

– Хорошо, не нервничай, запишу его сообщение на диктофон.

Но собеседница не пожелала использовать и этот шанс:

– Никогда! Я тебе не скажу, где проводились раскопки! Ни за какие коврижки! Нельзя трогать колдуна!

Несмотря на нервный разговор, мне стало смешно. Ну неужели Люба не понимает, что выяснить правду об археологической экспедиции легче легкого? Один звонок Димону – и через короткое время у меня на руках будет вся информация. История «Татьяны и Ольги» широко тиражировалась в прессе, о древнерусских любовницах даже сняли телефильм.

Люба зарыдала:

– Плохо, мне плохо! Ужасно! Лучше поскорее умереть.

– Ты должна жить ради дочери, – строго сказала я, – и необходимо сделать все ради ее спасения. Иди сдавать анализ.

– У меня «желудочная волчица», – занудила Люба.

– Твой муж знает о болезни? – спросила я.

– Нет, – прошептала Доброва.

Я задала ставший уже традиционным вопрос:

– Почему?

Люба схватила меня за руку:

– Он уйдет! Понимаешь, в нашем браке есть некоторые нюансы.

– В любой семье есть нюансы, – вздохнула я, – многие пары ссорятся из-за денег. Мужья упрекают жен в неумении вести хозяйство.

– Нет, с этим у нас порядок, – воскликнула Люба, – Ваня дает мне деньги, четко оговоренную сумму, я в нее укладываюсь. Он никогда не проверяет счета, доверяет мне целиком и полностью. Хотя Иван не умеет пользоваться компьютером, а я веду домашнюю бухгалтерию в электронном виде.

– Бизнесмен без Интернета? – поразилась я.

Люба кивнула:

– Он никак не может освоить даже элементарные действия: не способен ни отправить, ни получить имейл. Вся эта работа лежит на его сотрудниках.

– Странно, – пожалала я плечами.

– У каждого свои заморочки, – вздохнула Любовь, – я,

например, не смотрю ни телик, ни диски.

– Даже новости? – снова удивилась я.

– Что в них хорошего? – спросила Доброва. – Одна чернуха. Нет, у нас не бытовые разногласия. Ваня понимает мою нелюбовь к голубому экрану, я иногда помогаю ему, лезу, допустим, в Яндекс. Но Ваня помешан на здоровье, это его фетиш. И он очень следит за Надей. Возьмем, например, зубную пасту – у нас дома только «Нокко», Надя ее ненавидит, но куда деваться? Папа над душой стоит, сам из тюбика на щетку полоску выдавливают. Я «Нокко» пользоваться не смогла. Да еще у меня аллергия на ромашку, а ее в средстве много. Купила себе «Дантин» и спрятала в шкафчике под рукомойником, чтобы у Надюши на глазах не маячил. Ну загнуло мужа на пасте! Мыло, гель, шампунь он девочке любые разрешает, а пасту нет! «Дантин» у меня быстро заканчивается, я даже думать стала, что Иван сам им втихаря пользуется, просто не признается. Ваня боится болезней – если поймет, что я нездорова, уйдет от меня. Сто процентов.

– Полагаешь, Иван такой мерзавец, что бросит жену и умирающую дочь? – спросила я. – Странно жить с человеком и до такой степени не доверять ему.

Доброва протянула руку к упаковке бумажных салфеток.

– Когда скончалась Галя, люди, конечно, вспомнили про предсказание. Большинство, как и ты, посчитало кончину Бутровой простым совпадением. А вот когда умерла Майя, в музее началась настоящая паника. Сотрудники отказались

работать с материалом из захоронения, стали говорить о необходимости вернуть скелеты туда, откуда их взяли, похоронить с почетом вместе с предметами быта и драгоценностями. Володя Каминский быстро ушел в годовой отпуск, сказав:

– Хочу написать книгу, давно вынашиваю замысел монографии, но создать ее можно, только не посещая службу.

Все поняли, что он испугался и попросту на время сбегал. Только ведь, покинув музей, Каминский не сохранил себе жизнь. Проклятие сработало. Я следующая! Уходи, пожалуйста. Благодарю тебя за сочувствие и желание помочь, но более на эту тему говорить не желаю. После похорон Володи отсюда многие ушли! Даже американцы испугались.

Я решила до конца раскопать всю историю:

– С какого боку здесь штатники?

Доброва с грустью взглянула на меня:

– Алексей Николаевич замечательный ученый, но в России ему платят копейки. Бутрову приходится заниматься преподавательской работой, бегать между музеем и институтом, чтобы иметь возможность содержать семью. А в США такие специалисты не нуждаются, там ценят научные кадры. В день, когда профессор нашел на раскопках первый ценный экземпляр, он написал статью и разместил ее на специальном сайте. Потом он регулярно сообщал о результатах работы, выкладывал фото. В эпоху Интернета ты больше не зависишь от медленно разворачивающейся телеги печатных на-

учных журналов, можешь сразу представить коллегам самое интересное. Примерно через неделю к Бутрову обратились из крупного американского университета. В случае успешного завершения экспедиции владельцы учебного заведения предлагали Алексею Николаевичу место декана факультета археологии. Оформление визы, подписание договоров – все должно было занять не один месяц, но ставка освобождалась лишь через год, у Бутрова было достаточно времени на формальности. Профессор недолго думал, сразу согласился отправиться в США и в сентябре хотел начать хлопоты. Но американцы затаились. Алексей Николаевич подождал до ноября и спросил: «Ваше предложение остается в силе?»

Бутров хотел уехать из страны. В России его ничто не держало, Алексей Николаевич надеялся, что новая жизнь отвлечет его от воспоминаний о жене.

Ответ пришел в начале следующего года. Ректор университета в самых сладких выражениях приносил свои извинения. Прежний декан передумал подавать в отставку. Покинуть рабочее место он хотел в связи с болезнью, но совершенно неожиданно выздоровел. Короче говоря, «простите великодушно, как только кресло освободится, оно непременно станет вашим, но я не могу точно сообщить никаких сроков. Вероятно, через пять, может, семь лет». Зато в феврале один из преподавателей того самого американского университета весьма неодобрительно высказался в своем блоге о членах совета, назвав их «средневековыми тупицами, по-

верившими в байки о «проклятии Татьяны и Ольги». Они уговорили больного старика-декана не покидать свой пост и перекрыли дорогу талантливому русскому ученому, которому предстояло стать украшением учебного заведения».

– Если уж образованные люди, отлично разбирающиеся в археологии, поступили таким образом, чего ждать от Вани? – горько сказала Люба. – Нет, мой муж не в курсе. Мы с ним придерживаемся правила – не приносить рабочие проблемы в семью. Ни он, ни я не хотим портить отношения, никаких бесед о служебных трудностях, без них тем для общения много. Мне осталось жить пару месяцев. Не хочу умирать в одиночестве. К Володе Каминскому не пришли проститься ни бывшая жена, ни теща. Даже когда он умер, многие боялись заразиться. Никто не знает, что это за напасть – «желудочная волчица».

Я выпрямилась:

– Болезнь может передаваться от человека к человеку?

– Неизвестно, – заявила Люба.

– Ты ездешь к Наде в больницу? – не отставала я.

– Постоянно, – заверила Доброва, – мы с Ваней стараемся не оставлять Надюшу в одиночестве.

Я внимательно посмотрела на собеседницу.

– Поправь меня, если я ошибаюсь. Ты полагаешь, что инфицирована неизлечимой, неизученной, смертельной хворью, поэтому отказываешься сдавать кровь на анализ, ведь все равно Наде нельзя пересадить костный мозг. Если вра-

чи выяснят правду про «желудочную волчицу» и сообщат ее Ивану Сергеевичу, то он, испугавшись заразы, мигом удерет из семьи. Бывшие родственники Каминского опасались его даже мертвого, и по этой же причине американские ученые не захотели связываться с профессором Бутровым. Вполне понятная позиция обывателей. То есть «желудочная волчица», возможно, заразна?

Люба судорожно стиснула руками колени:

– Да, да, да. Наверное, это звучит ужасно, но я великолепно понимаю: мой костный мозг никак не послужит дочери. А умирать в одиночестве очень-очень страшно. Наде сейчас дают экспериментальное лекарство, она поправится! Непременно.

– Знаешь, что самое странное в твоём рассказе? – тихо произнесла я. – Ты уверена, что «желудочная волчица» – инфекция, и тем не менее регулярно посещаешь девочку, которой может стать хуже даже от обычного насморка. Почему ты не боишься за дочь?

Глава 6

Доброва вскочила, потом села и указала рукой на дверь:

– Уходи.

Я поняла, что перегнула палку, и попыталась дать задний ход:

– Любаша, мы были лучшими подругами, разреши тебе помочь! Одна ты не справишься с тяжелым грузом.

– Убирайся, – процедила археолог.

– Я докажу, что старик лгун, – упорствовала я, – ты сдашь костный мозг и...

Доброва вскочила, в два шага очутилась у двери, распахнула ее и заявила:

– Вон! К чертовой матери! Сто лет не общались, и не надо. Кто тебя сюда звал? Мне не нужны старые друзья, школьные отношения – ерунда! Нас давно ничто не связывает! Или ты выметаешься отсюда, или я нажимаю тревожную кнопку и сообщаю охранникам, что совершена попытка ограбления экспозиции.

– Люба! – воскликнула я. – Ты не права!

– Катись колбаской по Малой Спасской, – вспомнила детскую дразнилку Доброва, – исчезни из моей жизни и не вздумай снова появиться.

Делать нечего, пришлось покинуть кабинет. Я миновала старушку-гардеробщицу, на пару секунд задержалась, чтобы

поскрести ногтями правую ногу, потом левую, вновь правую. Еще Козьма Прутков утверждал, что нельзя перестать чесать там, где чешется. Я с огромным трудом оторвалась от увлекательного занятия, вышла на улицу и позвонила Димону.

– Накосячила! – с укором произнес Коробок, когда я завершила рассказ. – Порушила контакт! Ну, не плачь, киса! Ща папа тебя выручит.

– Что-то она врет, – вздохнула я, – концы с концами не сходятся. Честно говоря, не понимаю: какая причина может заставить женщину отказаться помочь родному ребенку?

– Молодая ты, неопытная, – заскрипел Коробок, – о-хо-хоюшки! Некоторые экземпляры готовы деточек с кашей съесть, до того они им поперек горла встали. Езжай в офис, Приходько ждет.

– Неохота ему про свои осечки рассказывать, – призналась я.

– А и не надо, – нараспев произнес Димон. – Нет нужды объяснять начальнику, по каким мусорным кучам ты шарил в поисках истины. Ему необходим результат, и мы его получим.

– Узнай адрес деревни, – велела я. – Прямо завтра двину туда и во что бы то ни стало приволоку мерзотного старикашку к Любви. Пусть он ей правду скажет.

– А он скажет? – усмехнулся Димон. – Вдруг упрется? Тэкс! Галина Бутрова скончалась второго сентября прошлого года, не выдержала операции по поводу прободной язвы.

Я вырулила в левый ряд и поправила на голове переговорное устройство.

– Ты залез в базу клиники? Как узнал, где лежала Галина?

– Люблю Танюшу за своевременные вопросы, – чинно ответил Димон, – а еще за менталитет охотничьей собаки с боковым уклоном. Нормальный пес увидит утку и рванет за ней, сверкая лапами. А спаниель философского склада присядет на лужайке, понюхает одуванчики и начнет думать в сторону, интересоваться, откуда взялся селезень. Да из кустов он вылетел! Твое спаниельское дело – хватать птичку и переть тушку охотнику. О вечном пусть Кант думает.

Я решила прервать поток ерунды:

– Иммануил Кант давно умер.

– Ой! И точно! – завохтал хакер. – То-то мне поболтать не с кем! Ну что тебе за разница, каким лабиринтом ползли мысли великого Коробкова? Важен итог. Я в базе клиники – хорошо, что у них полный научно-технический прогресс, истории болезней в электронном виде. Ладно уж, скажу. Ее оперировал Вениамин Михайлович Аверин, а я его знаю.

– Откуда? – удивилась я.

– Ну вот, опять, – хмыкнул Димон. – От верблюда. Любишь спелые бананы? И что, с кожурой их лопаешь? Небось сначала чистишь! Вот и отбрасывай посторонние вопросы, это шкурка, вкусное внутри. Операция Галины проходила нормально, но она умерла. М-да. Ты далеко?

– Скоро приеду, – заверила я.

– Двигай сразу к Приходько, – велел Димон, – какой-то он загадочный вернулся, с коробкой! Надеюсь, там не песок для наших с тобой клистиров.

Начальник выслушал мой отчет и задал обычный вопрос:

– Как решили действовать?

Я с энтузиазмом ответила:

– Сразу по нескольким направлениям. Сгоняю в деревню, попытаюсь пообщаться с дедом и, если он согласится признать, что просто пугал археологов, привезу его к Любе. Одновременно Коробков проверит истории болезней Доброй, Матвиенко и Каминского. Авось вылезет нечто интересное.

Приходько покосился на свой ноутбук.

– Не веришь в «желудочную волчицу»?

– Нет, – решительно ответила я.

– И правильно, – кивнул начальник. – Думаю, Люба что-то скрывает. Ее тайна настолько серьезна, что перевесила страх за ребенка. Надо рассказать Ивану о результатах.

– Пока не о чем, – быстро остановил его Димон. – Мы ничего не выяснили.

– Кроме того, что у его жены в голове глупости, – объявил начальник. – Пусть Иван побеседует с Любой, объяснит, что «желудочная волчица» – идиотство.

– Ты не понял? – удивилась я. – Сомневаюсь, что Люба кретинка. Рассказ о проклятии лишь прикрытие.

Приходько сдвинул брови:

– Полагаешь, она врет? Ничего такого не было?

Димон кашлянул:

– Не велите казнить, велите слово молвить. В рассказе Добровой есть сермяжная правда. По документам, Галина Бутрова скончалась второго сентября, после операции по поводу язвы. Майя Матвиенко ушла из жизни под Новый год. Владимир Каминский отправился в лучший мир десятого марта. Доброва вроде сообщила чистую правду. Интересно и совпадение диагнозов. У всех случилось обострение язвы. После похорон Каминского не прошло и недели, как три сотрудницы отдела живенько уволились. Фамилии их Назарова, Решетилова и Каменева. Судя по всему, две дамочки особых проблем не испытывают. Назарова вышла замуж за немца и сейчас, дай ей бог толстый счет в банке, обитает в небольшом местечке под Бонном. Каменева родила ребеночка и временно живет у своей мамы в городке Поварске, а вот Решетилова скончалась.

Мне стало тревожно.

– От язвы?

– От любви к алкогольным коктейлям, – вздохнул наш компьютерный гений. – Мадам залила за воротник, села за руль – и тушите свечи. Уж сколько раз твердили миру: ребята, не нажирайтесь водкой с висками, а уж ежели наплескались выше ноздрей, забудьте про автомобиль. Ольга Решетилова приняла на грудь на дне рождения свекрови, на глазах у сотни гостей переругалась с горячо любимой мамой мужа

и, нежно обозвав ее жабой, сукой и еще парой слов, которые прилюдно произносить не принято, унеслась на своей легко-
вушке. Муж Ольги оказался в сложном положении – думаю, никак не мог решить: утешать оскорбленную маменьку или мчаться за супругой. На помощь пришла сестра Ольги, она
кинулась за пьянчужкой и стала свидетельницей аварии. Решетилова не справилась с управлением и на огромной скорости впечаталась в стену дома. Вот тут у нас протокол. М-да. В данном случае нельзя говорить «содержание алкоголя в крови», уместнее сказать: «содержание крови в алкоголе». Женщину жаль, но ее кончина не имеет никакого отношения к истории с «желудочной волчицей».

– Дед напророчил смерть Галине, Майе, Владимиру и Любе с Алексеем Николаевичем, – протянула я, – остальных он не упомянул, и все они живы, Решетилова не в счет. Димон, диктуй адрес деревни.

Коробок пробежался пальцами по клавиатуре ноутбука.

– Ведьмино! – объявил он. – Кроме шуток! Так село называется. Двести пятьдесят километров от столицы. Если завтра в пять утра выехать, самое позднее к девяти будешь на месте. Тань, чего ты постоянно под стол нагибаешься?

– Ерунда, – смутилась я.

– Сапоги жмут, – выдвинул версию Приходько. – Ты новые купила? Прикольные чуни.

– Они носят название дугги, – снисходительно объяснила я, – из натурального меха, грубо говоря, как дублинка, и жать

не могут. Если мы закончили совещание, я поеду домой.

– Ой, чуть не забыл! – оживился босс. – Купил тебе подарок.

Я поразилась до глубины души:

– Восьмое марта давно миновало, Новый год еще не наступил, и дня рождения у меня не намечается.

Приходько кивнул на довольно большую коробку.

– Да просто так решил тебя порадовать.

Вот ведь странно. Чеслав никогда не вступал со мной в дружеские отношения. С Димоном у нашего прежнего начальника были более тесные контакты, оно и понятно почему: они работали вместе много лет, а я – недавно приобретенный кадр, поэтому шеф был ко мне справедлив, но строг. Правда, в последнее время он стал со мной даже шутить, пару раз хвалил, но никаких подарков и комплиментов не делал. Но я его любила, уважала и хотела стать лучшим агентом. А Приходько очень старается быть мне отцом родным: он всегда осведомится о здоровье, скажет любезность, сейчас вот вознамерился преподнести мне сувенир, но я все равно его не люблю и считаю, что он занимает не свое место.

– Ну, открывай, – потер руки наш главный. – Неужели не интересно?

Я придвинула к себе коробку и, дернув за ленточку, зачирикала:

– Сгораю от любопытства!

Отлично помню, как на свой десятый день рождения по-

лучила от папы с мамой в качестве презента рейтузы, а не игрушечный домик с мебелью, о котором мечтала, и по детской глупости честно сказала:

– Не хочу шерстяные штаны, они колются, такие в школе никто не носит, надо мной весь класс смеяться будет, когда стяну их в раздевалке. Mamочka, я же просила домик!

– Самое страшное, что может продемонстрировать ребенок, – это черная неблагодарность! – заорал папа. – Подарок – это то, что тебе купили с любовью! Его не выклянчивают!

– Девочка, не способная радоваться в день рождения, не заслуживает ни гостей, ни торта, – подхватила мама, – ступай к себе и подумай над своим поведением. Сегодняшний чай с друзьями отменен.

Я заревела, а бабушка, предпочитавшая никогда не спорить ни с зятем, ни тем более с авторитарной дочерью, неожиданно возмутилась:

– Вы с ума сошли! Вот придумали! Рейтузы! Неужто вы ребенку их так не купите? Нельзя отнимать у девочки праздник!

Разгорелся вселенский скандал, крик стоял несколько часов. В конце концов родители забыли про бабушку, начали самозабвенно выяснять отношения, и дело закончилось совсем плохо. Отец хлопнул дверью так, что в коридоре упала трехрожковая люстра, и с воплем: «Я сюда не вернусь!» – убежал из дома. Бабушка начала замечать осколки, а мать влетела в комнату, где я пыталась спрятаться в диванных по-

душках, и заорала:

– Довольна? Учишься на тройки, друзей не имеешь, торчишь постоянно дома, пальцем в носу ковыряешь, по хозяйству не помогаешь! Рада, что из-за тебя отец семью бросил? Рейтузы ей не понравились! Вообще теперь барбариски не получишь!

Мне стало жутко. Неужели папа ушел от мамы потому, что я закапризничала из-за домика? Как мы будем теперь жить? В нашем классе есть несколько ребят, которых учителя называют «безотцовщиной», им дают бесплатный завтрак и обед, а еще перед каждым каникулами классная руководительница объявляет:

– У нас будут билеты в театр. Завтра все, кроме Борисовой, Никитина и Муромцева, должны принести по два рубля.

Одноклассники хихикают, и кто-нибудь непременно спрашивает:

– Бедные на спектакль не пойдут? Или мы за них заплатим?

Мне очень не хочется очутиться в списке отверженных. Ко мне класс относится равнодушно, я не вызываю ни любви, ни ненависти, но, если на меня наклеят ярлык «девочка без отца», это катастрофа!

Поздним вечером подвыпивший отец вернулся домой и помирился с мамой. Игрушечный домик мне не купили. Рейтузы я таскала три года. Противные шерстяные штаны оказались вечными, они никак не хотели протираться. На следую-

щий мой день рождения отец демонстративно преподнес мне черные резиновые сапоги, но я уже была научена горьким опытом, поэтому изобразила бурную радость, мгновенно нацепила обновку и стала демонстративно восхищаться потрясающими сапожками. На лице папы появилось откровенно разочарованное выражение, и я получила второй урок: хочешь стать неуязвимой для врага и никогда не превратиться в объект насмешек заклятых друзей – не показывай им своей боли, обиды или горечи. Наоборот, навесь на лицо улыбку и изобрази полнейшее счастье. Упаси бог громко заявить во весь голос:

– Я боюсь мышей.

На следующий день одноклассники притащат с десяток грызунов и сунут тебе в парту. Думаете, только дети жестоки? А кто вырастает из злых школьников? Неужели добрые, сострадательные взрослые?

Гостей я в тот день рождения встретила в резиновых сапогах. Мне понравилась папина расстроенная мина, и я решила продлить собственное удовольствие. Каждому ребенку, который появлялся на пороге, я тут же говорила:

– Смотри! Папа с мамой подарили мне особые сапоги! Таких ни у кого нет! Они из космической резины! В них наши космонавты будут ходить по Марсу! Этих сапог всего десять пар в мире!

Отец, всегда пресекавший на корню любое вранье, молчал. Мама тоже предпочла прикусить язык. А все гости за-

дохнулись от зависти и стали вымаливать разрешение померить необыкновенные боты. После праздника у меня осталась гора игрушек и нечто более важное. Я получила третий урок – узнала: люди верят тому, что слышат. Начнешь ругать сапоги, плакать и жаловаться на вредных родителей – тебе не посочувствуют. А если объявишь про обувь из космической резины, тогда тебя посчитают счастливницей.

Вот только игрушечный домик мне никто так и не принес. Марина Саврасова притащила четырех маленьких куколок – ежиков: маму, папу и двух деток, и у меня появилась новая мечта. Ежам следовало поселиться в замке, в настоящей крепости, с каминным залом и спальнями.

Я подняла крышку коробки, которую мне преподнес сейчас Приходько, и совершенно искренне воскликнула:

– Какая прелесть! Кошка, а вокруг семь разноцветных котят. Огромное спасибо, поставлю их на полку в своей комнате. Такая милая скульптурная группа.

– Ты не поняла, – ухмыльнулся Приходько. – Это будильник. С ним никогда не проспичь.

– Дай посмотреть, – заинтересовался Димон, – ну точно! Вот циферблат! Прикольно.

– Нравится? – обрадовался Приходько. – Там внутри инструкция, как им пользоваться, Тань, ты ее сначала прочти.

– Непременно, – пообещала я, сохраняя на лице широкую улыбку.

Похоже, шеф пытался дать понять сотруднице, что ему не

нравятся ее опоздания, вот только намек оказался слишком толстым.

Глава 7

Сев в джип, я сняла сапожки и начала изучать свои ноги. Кожа на ступнях и чуть повыше щиколотки была покрыта красными пятнами, которые нестерпимо зудели. Похоже, у меня аллергия.

Минут пять я сладострастно чесалась, потом снова нацепила дугги и порулила по проспекту к ближайшей аптеке. Посетителей в небольшом торговом зале оказалось немного, передо мной стоял лишь один мужчина. Пока провизор отпускала ему товар, я разглядывала витрины и увидела прямоугольную упаковку с надписью «Желтые разноцветные пластыри».

– Слушаю, – сухо сказала девушка в голубом халатике.

Я ткнула пальцем в стекло:

– Пластыри могут быть либо желтыми, либо разноцветными.

Фармацевт не поняла меня:

– Вам на какую поверхность?

– Мне нужны таблетки от аллергии, – попросила я.

– А говорите про пластырь, – укорила меня хозяйка прилавка.

– Желтых разноцветных пластырей в природе нет, – улыбнулась я, – они либо как солнышко, либо разного колера.

– Вот же они, – заявила девушка, – на витрине. Желтые

разноцветные пластыри.

– Очень глупо, – хихикнула я, – вероятно, у вас найдутся красные синие помидоры.

Провизор заморгала, а я опомнилась:

– Простите, я пошутила. Дайте мне таблетки от аллергии.

– Значит, пластырь не нужен? – уточнила продавщица.

– Нет, – вздохнула я.

– Но вы его просили!

– Нет, мне требуется антигистаминный препарат, – смиренно ответила я.

– И при чем здесь пластырь? – суксилась девушка.

– Ни при чем, – подтвердила я.

– Но вы его просили! – заявила провизор.

Я набрала полную грудь воздуха:

– Нет! Я всего лишь отметила, что желтых и одновременно разноцветных пластырей не бывает!

Собеседница показала на витрину пальцем:

– Вот же они! Вам сколько коробок?

– Ни одной, – проскрипела я, – мне нужны таблетки от аллергии!

Из подсобки высунулась голова в голубой одноразовой шапочке.

– Кать, тебя к телефону.

– Здорово, – обрадовалась аптекарша, – Лен, обслужи человека, ей нужны желтые разноцветные пластыри.

Катерина живо унеслась во внутреннее помещение, ее ме-

сто заняла курносая Лена.

– Сколько упаковок? – деловито поинтересовалась она.

– Лучше дайте антигистаминный препарат, – улыбнулась я.

Лена округлила и без того большие глаза:

– Его на рану не накладывают.

– Верно, – согласилась я, – хочу таблетку принять.

– А как же пластырь? – заморгала Елена.

Я облокотилась о прилавок.

– Понимаете, пока я стояла в очереди, обратила внимание на коробочку с надписью «желтые разноцветные пластыри». Но это же смешно!

Елена чуть приоткрыла рот, а потом протянула:

– Почему?

Я ощутила себя титаном мысли и снисходительно пояснила:

– Желтых и одновременно разноцветных пластырей не бывает.

– Да вот же они! – удивилась Лена. – Сколько хотите? Полная гамма! В наличии аэрозольный вариант, напыскивается из баллончика на ранку, тканевая разновидность, силиконовая, с бактерицидным покрытием, детский, в виде Микки-Мауса. Все это желтые разноцветные пластыри, так называется фирма, которая их выпускает. Сколько вам нужно? Мой совет: берите обычные, ни к чему за ерунду переплачивать.

– Они мне не нужны, – жалобно проблеяла я, – ну пожалуйста!

На этой стадии бессмысленной беседы у меня дернулось веко.

Леночка хитро улыбнулась:

– Ах вам другое! Ща! Поняла.

Аптекарьша ринулась к ящикам, вытащила кучу ярких упаковок и вывалила их на стол со словами:

– Нечего стесняться, говорите, какие предпочитаете? Обычные, с пупырышками, есть прикольные, в виде фигурок. Во, Микки-Маус!

Я оглядела гору презервативов и изумилась:

– Средство контрацепции изготовлено по образу и подобию героя популярных мультиков?

– Супер, да? – восхитилась Лена.

– Но зачем? – растерялась я.

Аптекарьша хихикнула:

– Для малышей!

Я чуть не упала:

– Детские презервативы?

– Шутка, – заржала Лена, – их делают для взрослых, ради прикола.

У меня отлегло на душе.

– Понятно. Мне таблетки от аллергии.

– Вы просили презервативы, – уперлась Лена.

– Нет, – возмутилась я, – вы сами их принесли.

– Стоит тут, подмигивает, – застрекотала аптекарша, – че я подумать должна? Некоторые люди ханжи неандертальские, никогда по-нормальному резинки не попросят, мнут-ся, ерунду несут, рожи корчат! Так вам чего?

– Она еще не ушла? – бестактно удивилась Катя, вырливая в торговый зал. – Никак с пластырями не определится?

– Не, хочет презики, – пояснила Лена.

Я решила взять вожжи разговора в свои руки:

– Начнем с таблеток от аллергии.

Катя открыла шкафчик:

– Сироп, спрей, пластырь?

Я удивилась:

– Таблетки. А разве антиаллергенные препараты бывают в другой форме?

На прилавке появилась коробочка, я нащупала в сумке кошелек.

– Сколько?

– А пластыри берете? – напомнила Катя.

Я вцепилась руками в прилавок.

– Девушка, что с вами? Ну подумайте головой!

– Ваще-то мы исключительно ею и думаем, – серьезно заявила Лена, – человеческий мозг находится в черепе.

Я вздохнула. А вот тут можно поспорить. Кое у кого совсем другой орган занимается умственной деятельностью.

– Побыстрее нельзя? – произнес за спиной приятный мужской голос. – Вы уж скорее определитесь, а то у меня до-

ма жена больная.

– Уже ухожу, – пообещала я, – может, вы им объясните, что желтых разноцветных пластырей не бывает?

– Почему? – прогудел заботливый муж. – Вон они, в витрине, хороший товар, супруга его хвалит.

– Сколько пластырей? – ожила Катя.

– Сто штук, обклею ими все, что попадется под руку, – сквозь зубы прошипела я, – немедленно назовите стоимость таблеток и расстанемся друзьями!

Веко моего глаза снова предательски дернулось.

– Презервативчики? – заговорщически зашептала Лена. – В виде Микки-Маусов, я верно поняла?

– Вашей сообразительности любой позавидует, – не выдержала я, – всегда мечтала иметь в тумбочке запас из доброй сотни изделий номер два в виде грызуна-мутанта, явной жертвы плохой экологии. Пошутили, и хватит. Называйте цену, видите, мужчина торопится.

– Он стоит, – не замедлила возразить Лена. – Когда спешат, бегут.

Катя повернула ко мне калькулятор:

– Вот сумма. Платите наличкой?

Я увидела цифры и уронила кошелек:

– Сколько? Таблетки от аллергии теперь производят из осмия? Или прессуют из платины?

– В составе препарата лоратадин в количестве десяти миллиграммов, – отчеканила Лена.

– Ну и почему он стоит немереные тыщи? – возмутилась я. – В вашей аптеке несуразно завышенные цены!

– У нас все нормально, – хором ответили аптекарши.

– Я пробила вам... – завела Лена, но тут в зал внеслась тетка лет пятидесяти.

Не обращая ни малейшего внимания на других покупателей, она подскочила к кассе, легким движением широкого бедра отодвинула меня и запыхавшимся голосом сказала:

– Барсучий жир есть?

Катя с быстротой молнии протянула посетительнице банку:

– Держите.

– Нет, че ты мне суешь? – завозмущалась тетка. – В пятой по счету аптеке дерьмо предлагают!

– Отличный товар, – обиженно отозвалась Катя. – Свежий, сегодня получили!

– Хочу барсучий жир! – рявкнула мадам.

Лена глянула на Катю:

– Сегодня что, в сумасшедшем доме выходной? Откуда они все сбежали?

– Елена, – сурово сказала коллега, – ступай в офис!

Провизор шмыгнула за шкафы с лекарствами.

– Дама, – продолжала Катя, – я предложила вам наилучший вариант. Не нравится – не покупайте, а ругаться не стоит.

– Ну-ка, поучи меня! – гаркнула покупательница. – Хочу

барсучий жир.

Я решила прийти на помощь фармацевту:

– Вы его держите в руках.

– Больно умная! – окончательно разозлилась незнакомка. – Видишь, написано: «ароматизированный»! За фигом мне запах? Химическая отдушка! Желаю натуральный жир.

Мужчина за моей спиной деликатно кашлянул:

– Позволю себе ремарку. Осмелюсь предположить, что барсук, ммм, несусветно воняет! Поэтому производители приняли решение слегка его облагородить, м-да!

– Вы перепутали обитателя наших лесов со скунсом, – улыбнулась я.

– А вы нюхали барсука? – проявил агрессию до сих пор вполне милый дядечка.

– Не довелось, – развеселилась я.

– У нас нет ремарки, – подала голос Катя, – я проверила по базе. Препарат ремарка никогда не поступал в продажу. Вы ничего не перепутали?

– Кто? Я? – изумился мужчина и вытащил из кармана содовый. – Алло, да, сейчас иду, скоро буду, не сердись, зая.

Микрофон у мобильного оказался мощный, и до моего слуха долетел гневный крик заи: «Борька, скотина, ни о чем попросить нельзя, умираю совсем, а он хрен чем и хрен где занимается, идиот, блин, чертов!»

Я с жалостью покосилась на Бориса. Может, успокоить его, сказать: «Ваша зая в порядке: человек, который нахо-

дится на пороге смерти, не способен орать, словно бешеная корова».

Борис тем временем продолжал удивляться:

– Я не просил ремарку.

– Только что произнесли: «Позволю себе ремарку», – жалобно пропищала Катя, – но у нас ее нет.

– Хватит гундеть! – стукнула ладонью по прилавку тетка и полезла в карман – теперь телефон заработал у нее.

– Мусенька, рыбонька, не плачь, посиди тихонечко, баба Маня тебе игрушечку купит. Только дедушке нашему хорошему барсучий жир возьмет и прибежит. Деда Паша старенький, кашляет, плохо ему совсем. Ну не хнычь, ща вернусь. Почему тебе страшно? Иди к дедуленьке, попроси сказку почитать. Как спит? Где? На диване! Ах он, дундук! Приказала дураку: «Ни хрена не можешь, всю кровь из меня выпил, идиот рогатый, так хоть за внучкой пригляди!» Мусенька, пни деда! Пинала? А он че сказал? «Ща, бабка придет, не мешай»? Ах остолоп, вурдалак, мышь навозная, петух безумный, павлин ощипанный, макак лысый!

Я прикусила губу. До посещения аптеки я полагала, что существительное «макака» не имеет мужского рода.

– Тресни образину чем потяжельше, Мусенька, – приказала тем временем бабка, – опусти ему на безответственную башку доску для хлеба, чмок-чмок!

Завершив речь, баба Маня налетела на Катю:

– Дай мне человеческий барсучий жир! Без ароматов! По-

няля? Человеческий барсучий жир! Сколько раз повторять?

Я тронула разъяренную тетку за плечо:

– Сейчас получите человеческий барсучий жир. Но сначала я оплачу покупку, иначе вам чек не пробьют. Сколько с меня?

– Уже показывала цифры, – вздохнула Катя, поворачивая калькулятор, – нам теперь не разрешают вслух произносить, если посетитель не один. Смотрите.

Я потрясла головой:

– Я брала всего лишь упаковку таблеток, вы ошиблись в счете.

– А сто пластырей? – заголосила провизор.

– Вы их посчитали? – безнадежно спросила я.

– Сами сказали! «Сто штук, обклею ими все, что под руку попадется», – процитировала меня фармацевт.

– Это же шутка, – пробормотала я, – надеюсь, безумное количество презервативов в виде Микки-Мауса мне не положили?

– Вот они, в пакете, – радостно оповестила Катерина, – будете пересчитывать?

– Хорош резину жевать, дома внучка без присмотра, дай человеческий барсучий жир, – занервничала пенсионерка.

Я молча положила на пластмассовую тарелочку деньги и ушла из аптеки в глубочайшем изумлении. Ладно, пусть я ничего не понимаю в современных средствах контрацепции, и, в конце концов, при необузданном воображении можно

себе представить желтые разноцветные пластыри: одна наклейка похожа на лимон, другая напоминает осенний лист, третья смахивает на зубы старого медведя. Цвет один, оттенки отличаются. Но как можно требовать человеческий барсучий жир? Может, аптекарша Лена была права, когда предположила, что обитателей психиатрической больницы отпустили сегодня по домам?

Глава 8

До деревни с многообещающим названием Ведьмино я долетела меньше чем за три часа. Дорога оказалась хорошей, машин мало, поэтому около половины девятого я уже стояла у деревенского магазина.

– Водкой не торгую, – сказала бабуля за прилавком.

– Алкоголем не интересуюсь, – спокойно ответила я, – помогите, пожалуйста. Вы местная?

– Здесь родилась, тут и помру, – оптимистично заявила старушка.

– Наверное, всех вокруг знаете? – спросила я. – Помните, чуть больше года назад здесь археологи вели раскопки?

Пенсионерка поправила платок, почти съехавший ей на затылок.

– А то! Никакого покоя! Поселились они, правда, в палатках, но начали к нам шастать. То им воды из колодца, то дров продайте. Надоели! Да еще Назар надурковал. Хотел их прогнать, археологи на лугу устроились, где он... слово такое, странное, мед... итог. Назар этим медитогом занимался каждое утро и вечер, а москвичи его лужайку оккупировали.

– Медитировал! – догадалась я.

– Во! Точно! – закивала бабуля. – Без стыда мужчина был. Выходил на улицу в одних трусах. Пойдет на лужок, руки вытянет, на одной ноге замрет и воет, словно кобель на месяц:

«Ам... ам... ам!» Покачается и давай про харю петь. Харя вишня!

– Может, харе Кришна? – уточнила я.

– Да какая разница, – отмахнулась бабуля, – дурак он! Натрепал про проклятие. Наврал, что могилы заговоренные. дескать, кто их тронет – помрет. И началось! Из Москвы народ попер, в день по семеро прикатывало! Я к Назару ломанулась и говорю:

– Знаешь, добрый человек, ты у нас всего пять лет как поселился, сам пришлый, а неприятностей телегу доставил.

Он, правда, повинился:

– Извините, Анфиса Сергеевна, я хотел как лучше. Попугал нахалов, думал, они лагерь свернут, а получилось плохо.

Я обрадовалась безмерно:

– Анфиса Сергеевна, подскажите дом, где живет Назар.

Бабушка споро перекрестилась:

– А он помер, очень скоро после своего спектакля. Может, через полгода. Недолго богатству радовался. А тебе что надо? Зачем расспрашиваешь?

– Мне надо поговорить с тем, кто хорошо знал старика, – честно призналась я, – из-за его вранья много бед случилось.

Анфиса Сергеевна поправила вязаную кофту:

– Пустой человек был. Раньше в каком-то театре работал, в кино снимался.

– Назар был артистом? – уточнила я.

– Он так говорил, – кивнула старушка, – наши ему вери-

ли, а я сомневалась. Актеры огромные деньги имеют, в газетах про их заработки пишут, кое-кому аж по тридцать тысяч рублей в день дают! С таких доходов можно на старость накопить, а у Назарки ничего не было. Я в магазине стою, от меня правду не скроешь: вижу, кто себе чего берет. Назар не шиковал – рыба дешевая, хлеб, масло постное. Молоко он у Райки брал. У нас тут на деревню две коровы, раньше, лет двадцать тому назад, в каждом дворе по буренке стояло, а сейчас не хотят бабы возиться. Ну да господь с ними, с лентяйками. Одна животина у меня, ухоженная, чистая, я молоком, творогом, сметаной и маслом торгую, кое-кто издалека приезжает, потому что в курсе: моя Зойка здоровая, мытая, и марля у Анфисы Сергеевны кипяченая, и подойник блестит, и с руками грязными я к скотине не подойду. У Райки наоборот: в сарае навоза до ушей, но она задешево отдает молоко, потому что у нее постоянных клиентов нет. Назар шел не туда, где лучше, а туда, где дешевле. Раз в месяц он в город за пенсией катался, возвращался довольный! В пакете еду привозил из Москвы, в сумке книги. Гулял как студент, шиковал. Через неделю ремень затягивал. До пятнадцатого числа брал у меня сдобные плюшки, баловался ими с чаем, газеты приобретал в ларьке, а с шестнадцатого экономничал, от булок отказывался, с двадцать пятого киоск «Союзпечать» по большой дуге обходил. К тридцатому он в минусе, придет сюда и тихонечко просит:

– Анфиса Сергеевна, отпустите в долг яичек.

Я ему один раз сказала:

– На земле живешь, посади огород, небольшой, для своих нужд, заведи курочек – будет тебе и суп, и яичница.

А он ответил:

– Я человек интеллигентный, творческий, не умею в земле возиться, лучше куплю еду.

Ну, раз шибко умный, то сиди голодный.

Анфиса Сергеевна укоризненно вздохнула:

– И какой он после этого актер? Купил избу у Евдокимовых, они ее за бесценок сбагривали, но никто брать не хотел, потому что на отшибе стоит, участок темный, там ничего не вырастет, и под откос идет. Цену ниже плинтуса уронили, год целый объявления давали, пока Назара не нашли. Не крупного ума человек! Вон, Валентин Петрович Семенов, он с женой в деревне избу брал, уж лет двадцать как назад. Правильно Семенов поступил, угостил наш народ, ему всю правду про дома и натрепали. Хотя Валентин пьяницей оказался, а Назар ни капли в рот не брал, не курил, не ругался, вежливый, но врун! Нет людей без изъяна, у каждого есть гнильца в характере. Ты бы кого предпочла, алкаша или брехуна?

– Ни того ни другого, – честно ответила я.

– Ну и кукуешь одна, – довольно высказалась бабка.

– У меня хорошая семья, – солгала я, – муж, дети.

– Не-а, – улыбнулась старуха, – все мужики либо водкой увлекаются, либо врут. Кольца на пальце у тебя нет. Глупо обманывать пожилого человека, я тебя насквозь вижу. Чего

Назар натворил?

– Люди, которым он про проклятие солгал, умерли, – после небольшого колебания ответила я.

Анфиса Сергеевна перекрестилась:

– Насмерть?

– Да, – подтвердила я и нагнулась, чтобы почесать ногу.

Бабушка окинула меня оценивающим взглядом.

– Не из милиции ты. Адвокатша? Да? По поводу наследства? Чувствовала я неладное. Ну откуда у Назара богатые родственники?

– Старику кто-то оставил средства? – уточнила я.

Анфиса Сергеевна оперлась рукой о прилавок:

– Не притворяйся. Если тебя прислали на разведку, так и скажи.

– Прислали на разведку, – улыбнулась я. – Похоже, вас не обманешь.

– Терпеть не могу лгунишек, – буркнула старуха. – От них все беды. Иди к Мироновой, по Центральной улице до конца, увидишь домишко-развалюшку с голубыми ставнями. Там Варька живет. Скажи ей: «Тетья Анфиса велела правду мне рассказать про Назара». Варька ребенка одна поднимает, ни мужа, ни родителей, в школе убирается, у меня тут полы моет, за любой копейкой гоняется, бедная, денег ей на покраску дома не хватило, одни ставни обновила. Если заартачится, начнет говорить, что ниче не видела, денег ей дай. Голь перекатная, за них она язык развяжет. Вот я от тебя ничего не

возьму. Ассортимент продам, а за просто так – ни копейки.

Я правильно поняла намек старухи и приобрела в лавке самые дорогие товары. Набор шоколадных конфет и большую бутылку жидкого мыла якобы из Франции.

– Удачно день начинается, – не скрыла радости Анфиса Сергеевна. – Топай к Варьке, она сегодня дома сидит, сынишка с температурой свалился.

Центральная улица оказалась короткой, узкой, кроме нее, в Ведьмине никаких других не обнаружилось.

Я открыла покосившуюся калитку и увидела крохотную избушку, завалившуюся на один бок. На фоне черных бревен выделялись задорные яркие ставни цвета незабудки, а крыльцо было покрашено в зеленый цвет. Дверь хозяйка не запирала – похоже, красть у нее нечего. Я вошла в чистую кухню и крикнула:

– Здравствуйте!

Занавеска, отделявшая жилую часть домика от, так сказать, пищеблока, зашевелилась, и показалась девочка лет четырнадцати.

– Вы ко мне? – тоненьким голосочком спросила она.

В первую минуту я огорчилась. Похоже, всезнающая Анфиса Сергеевна ошиблась: Варвара таки убежала зарабатывать деньги, а с больным малышом оставила дочку соседней.

Из комнаты полетел детский плач, девочка испарилась, потом появилась снова.

– Сынишка заболел, температура у Эдика, – пояснила

она, – простыл. Так вы ко мне?

– Ищу Варвару, – пробормотала я, – это вы?

– Ага, – кивнула она.

– Анфиса Сергеевна велела вам рассказать мне все, что вы знаете про Назара, – продолжила я и вынула из сумки кошелек, – не бесплатно.

Варя обрадовалась:

– Вот здорово! Мне деньги ну очень нужны! Хотите чаю? Сейчас чайник поставлю. Только ничем не угощу, кроме варенья.

– Кипяти воду, – распорядилась я, – вернусь через четверть часа.

Минут через двадцать мы с Варей устроились за накрытым столом.

– Лучше б вы мне деньгами дали, – не скрывая разочарования, сказала юная мамаша. – Эдику одежда нужна на зиму. Сыр с колбасой в момент исчезнут, а комбинезон год прослужит.

– Еда в подарок, – обнадежила я Варю, – она не отменяет вознаграждения.

– Вау! – подпрыгнула девочка. – Дед Мороз приехал!

– Скорее уж Снегурочка, – улыbnулась я, – а, принимая в расчет мою фигуру, лучше считать, что к тебе заявили внучка доброго дедушки и олень Рудольф в одном лице.

– Вам родить надо, – деловито посоветовала Варя, – я до Эдика шестьдесят кило весила, а сейчас сорок пять.

– Сколько тебе лет? – не выдержала я.

– Девятнадцать, – ответила она.

– Я думала, четырнадцать, – вырвалось у меня.

Варвара выпрямилась:

– Я молодо выгляжу. Мама в пятьдесят умерла, а всем казалось, что ей тридцать.

– Займемся Назаром, – деловито сказала я, – чем больше о нем сообщишь, тем богаче станешь.

Варины глаза заблестели.

– Я про него все-все знаю! До доньшка! Никакой он не актер! Работал в кинотеатре механиком, отсюда все фильмы знал. Потом его уволили: техника другая стала, Назар с нею не справлялся. Он пошел в театр, декорации монтировал. Но здесь соседям хвастал, что первые роли играл. Я один раз не выдержала и говорю ему:

– Зачем обманываете людей?

А он мне в ответ:

– Варенька, я мечтатель, в душе всех героев сыграл. Ты не распространяйся, я с тобой за молчанку пенсией поделюсь. Откуда ты про меня все знаешь? Ну?

Варя засмеялась, а я спросила:

– И откуда ты про него правду знала?

Девушка ткнула пальцем в окно:

– Назар купил избу Евдокимых, она на соседнем участке стоит. Николай Степанович с моим папкой дружил, они построили гаражи для хозяйственных нужд, инструменты там

держали, велики, машины тогда были «Жигули» и у нас, и у Евдокимовых. Мама очень за папой следила, он выпить любил, а тетя Света за дядей Колей приглядывала. Они понять не могли, почему мужики в гаражах вроде делом занимаются, мебель мастерят, автомобили чинят, самогонки с собой не берут, а возвращаются пьяные.

Варя рассмеялась.

– Я секрет знала, но папку не выдавала. Задняя стена у гаражей общая была. С виду она фундаментальная, нерушимая, а там дверца из фанерки. Папа отличный столяр, дядя Коля механик, они, когда трезвые, все могли сделать. Жены в гараж ходили, бутылки искали, ничего не найдут и отвалят, про дверь не знали. Пойдет папка вроде как к верстаку, откроет створку, через дяди-Колин сарай наружу выберется – и к старухе Морозовой огородами скачет, она самогонкой торговала. Гараж на заду участка, тетя Света о нем и не думает, потому что дядя Коля у нее на кухне сидит. Мама на дверь сарая посматривает, но папка-то другим лазом ушел. Много лет они жен обманывали, потом умерли.

Варвара вытащила из коробки конфеты и засунула за щеку.

– Мама с тетей Светой гаражи не трогали. Машины они продали, в сараи не ходили, там все на местах осталось. Потом и они умерли. В евдокимовскую избу Назар въехал, сдавал основной дом москвичам, сам из сарая жилой закут сделал и туда на лето переселялся. А я в бывшем гараже вещи

держу, которые не каждый день нужны, и дрова.

Назар понятия не имел о секретной дверке, сделанной рукастыми мужиками. Он был слегка глуховат и, как все люди с проблемным слухом, разговаривал громко.

Один раз Варя пошла за ведром и услышала, что сосед беседует с женщиной. Незнакомка плакала и укоряла Назара. Варе стало любопытно, она замерла и подслушала не предназначенный для ее ушей разговор. Скоро ей стало понятно: тетка – бывшая жена Назара, которая, несмотря на развод, упрекает супруга в неумении содержать семью.

– Ты неудачник, – плакала баба, – механиком в кинозале торчал, день штаны просиживал, двое суток дома. Мог подработку взять. Я копейки считала! А когда тебя за глупость выперли, пошел декорации таскать! Еще меньше платить стали!

– Мое мировоззрение требует работы над собой, – отбивался Назар, – мне необходимо сосредоточиться на душе.

– Отлично у нас получалось, – не успокаивалась тетка. – Муж холодной водой обливался, зарядку делал, медитировал, а на семью у него времени не хватало! Чуть свободная минута, на коврик плюхнется, пальцы сложит и нудит: «Ом, ом».

– На тебя не угодишь, – горько сказал Назар. – Не пью, не курю, не ругаюсь, рук не распускаю, мяса не ем. Сплошные «не»!

– Добавь еще: не зарабатываю, не забочусь о тебе, не хожу

с тобой в магазин, – взвилась женщина.

– Ну так мы давно развелись, – остановил ее Назар, – чего тебе надо?

– От здорово! – завопила тетка. – А кто тебе денег на избу одолжил? Ты когда их отдавать собираешься?

– Лика, не волнуйся, получишь назад всю сумму, – залебезил Назар.

– С каких доходов? – не успокаивалась Лика. – С пенсии? Ну где мой ум был, когда я тебе накопленное отдала?

– Я ищу работу, – сказал Назар, – на днях выйду на большой оклад.

– Вечная отговорка, – буркнула Лика.

Варя ушла к себе, тихо посмеиваясь. Сосед-то брехун! Но, в конце концов, ее это не касается. С той поры Варвара стала иногда забегать в сарай и незримо участвовать в чужой жизни. Еще один очень интересный разговор она услышала в начале мая. К Назару снова приехала женщина, но не Лирика – голос был другой, не визгливый. Незнакомка спокойно сказала:

– Вам нужны деньги. Я готова заплатить за нехитрое дело. Скоро сюда приедут археологи. Ваша задача – испугать их. Сначала пару раз зайдите в лагерь и расскажите легенду о проклятии.

– Чего? – не понял Назар.

Гостья не смутилась:

– Вы вроде бывший актер? Так в деревне поговаривают.

– Да, – не упустил возможности приукрасить себя Назар, – играл в лучших театрах, теперь нищий.

– Держите текст, – перебила старика женщина, – выучите слова, и вперед.

– Давай аванс! – потребовал Назар.

– Хорошо, – не стала спорить заказчица, – вот часть, остальное передам, когда выполните мое задание.

– Если обманешь, я археологам правду расскажу, – припугнул дед.

Следующие недели Назар зубрил роль. Он произносил слова на разные лады, пытаясь придать своей речи убедительность, окрашивая ее то злостью, то негодованием, то печалью.

Варя сообразила, что незнакомка хочет запугать тех, кто явится раскапывать могилы, но ни с кем своими догадками не поделилась. У девушки в Ведьмине друзей нет.

Назар выступил с блеском. Местные жители покатывались со смеху, слушая, как он врет про проклятие. К деду и без того относились с насмешкой, а после «бенефиса» народ окончательно перестал старика уважать. Анфиса Сергеевна, местная совесть, не выдержала и отчитала «актера», а тот объяснил свое дурацкое поведение: ученые оккупировали лужайку, на которой Назар занимался медитацией, они помешали ему обмениваться энергией с космосом, зачернили его ауру. После этого заявления Назара стали считать полным психом, а Варя сообразила, что дедуля не так прост.

– Почему никто из жителей Ведымина не пошел в лагерь и не рассказал ученым правду? – возмутилась я.

Варя запихнула в рот новую конфету.

– Они ж чужие! Богатые! Весь магазин скупили! Их бабы зашли к Анфисе Сергеевне и ну рожу корчить. Одна, самая молодая, сказала: «Надо было все из Москвы прихватить, здесь несъедобная дрянь». Красиво выразилась? Значит, нам даже дрянь не по карману? Еще они молоко и творог у Анфисы брали. Та им такую цену заломила! Закачаешься! А москвичи и глазом не моргнули. По три десятка яиц хватали. Сарафаны у них фирменные, босоножки как из журнала, и вообще! Назар врун, но он почти свой, а они посторонние, ходят нос задрав.

– Понятно, – кивнула я, – а когда ты у деда деньги за свое молчание попросила?

Варя не смутилась.

– У меня Эдик, мальчику много чего надо. Отец его удрал, алиментов не платит, как жить? И я ничего не требовала, он сам предложил! Нечего на меня так глядеть! Не себе на жвачку потратила – сыну на еду и одежду. Назар, между прочим, все богаче становился! Он жене хвастался! Захожу в очередной раз в сарай случайно за ведром...

Я постаралась не улыбнуться. Похоже, Варя просто поселилась в бывшем гараже – так старательно она следила за соседом.

– А он по телефону говорит! – с возмущением продол-

жала Варя. – «Здравствуй, Лика, нет, я дома, у меня теперь мобильный есть. Не такой уж, как видишь, я нищий, нашел отличную работу, могу часть долга тебе вернуть». Во как! Хорошие бабки ему эта тетка отвалила! Назар их постоянно получал.

– Хочешь сказать, что ему регулярно давали деньги? – удивилась я.

Варя ухмыльнулась:

– Ну так! За шантаж. Он ей сказал – не жене, а той, что пугать его нанимала: «Платить будешь столько, сколько я велю. Иначе всем про твои фокусы-покусы расскажу». Она небось испугалась, вот и появились у деда тыщи. Он зашиковал! Телек купил, холодильник хороший, книг повез.

– И с тобой поделился, – не выдержала я, бросив взгляд на новый телевизор на тумбочке.

Варя опять не смутилась:

– Эдик мультики смотреть хочет, чем он хуже других? Назар тетку шантажировал, я его пощипывала, такова жизнь. А потом он умер, имне страшно стало, так жутко, что я спать перестала!

Глава 9

– Что тебя испугало? – быстро спросила я.

Варя сняла со спинки стула старый, местами полысевший пуховый платок и накинула себе на плечи.

– В тот день утром Назар подался в город, а я в сарай пошла за ведром. Слышу, в его домушке шорох. Что я могла подумать? Участок деда последний, за ним овраг и лес начинается, кто в село пришел, не видно, может, вор!

Варя очень осторожно сдвинула вбок потайную дверцу и прильнула глазом к микроскопической щели. По комнате ходил человек, одетый в джинсы и толстовку с капюшоном. Лица девушка не разглядела, кто посетил деда, не поняла, даже не могла распознать – незванный гость мужчина или женщина. На руках у него были кожаные перчатки. Для вора он вел себя более чем странно: вытащил из шкафчика банку растворимого напитка, достал из рюкзака точь-в-точь такую же, поставил на полку, дедов кофе прихватил с собой и ушел.

Варе оставалось лишь гадать над этими странностями. Сначала она пребывала в недоумении, а потом обрадовалась. Хорошая судьба подбросила ей еще один шанс заработать. Вернется Назар из города, а она ему скажет:

– Заплатишь – расскажу, кто и зачем к тебе сегодня приезжал.

Вдохновленная мыслями о деньгах, Варя взяла сына и по-

спешила в магазин мыть полы. Обычно девушка возвращается домой около семи, но в тот день задержалась. Анфиса Сергеевна попросила отдраить окна – естественно, не за так.

Варя честный человек. Если платят, она прилежно отработывает деньги. Стекла девушка терла до девяти. Конечно, окошки следует мыть днем, но так уж получилось. Анфиса Сергеевна рассчиталась сразу, да еще подарила уборщице немного продуктов, дала ей просроченный йогурт и залежалый сыр.

Варя понеслась домой, день у нее складывался на редкость удачно, вечер тоже обещал прибыль. Юная мамаша уложила сына спать и пошла в сарай.

– За ведром, – не выдержала я.

– Ага, – беззастенчиво солгала Варвара, – у деда тихо было. Я сначала решила, что он еще не вернулся, прикатит с последним автобусом, он в одиннадцать мимо Ведьмина идет.

Но ни в полдвенадцатого, ни в полночь Назар не вошел в сараюшку. Варя начала беспокоиться. Пенсионер всегда ночует дома, ведет правильный образ жизни, встает в шесть, обливается в любую погоду, даже зимой, ледяной водой на улице. Девушка занялась постирушкой, а около половины первого вновь отправилась в бывший гараж. Как вы думаете, зачем? Правильно, за ведром!

Варя опять чуть-чуть приоткрыла тайную дверцу и обнаружила Назара, он лежал головой на столе. Рядом стояла чашка. Варя решила, что дед приехал, пока она возилась с

корытом, устал от поездки в Москву и задремал, не дойдя до койки. Утром она опять двинулась за пресловутым ведром и увидела Назара все в той же позе. Но сейчас в окно падал солнечный свет, а лицо старика было повернуто в ее сторону, и Варя попятилась. Широко раскрытые глаза Назара не оставляли никаких сомнений в том, что он умер.

Варя замолчала и принялась сосредоточенно изучать конфеты в коробке. Потом сделала попытку изменить тему:

– Интересно, они с вареньем?

Я не дала ей шанса прервать беседу:

– Как же ты поступила? Плачу за честность!

Варя смущенно улыбнулась:

– Подумала об Эдике. Ему много чего надо. Назар в город за деньгами ездил, при нем большая сумма была, зачем покойнику деньги? Милиция приедет, «Скорая» притащится, кто-нибудь сопрет, а мне они нужнее. Я вошла в сарайчик, пошарила у него в куртке и вытащила кошелек. Это не воровство. Что-то вроде находки.

– Ты отчаянная девушка, – оценила я поступок Варвары, – не побоялась, что криминалисты обнаружат отпечатки твоих пальцев и будут задавать вопросы.

Варвара засмеялась:

– Может, в Москве и стали бы заниматься стариком, который на тот свет отъехал, а в Ведьмине свои порядки. Умер, и ладно. Не в драке зарезали, не машиной задавили, не пристрелили – значит, срок пришел. У нас один участковый на

тму поселков, больше ему делать нечего, как о пенсионере-жмурике беспокоиться. А насчет отпечатков смешно. Я ж ему соседка. Спросят – отвечу: сто раз в сарай ходила к Назару.

– Ты говорила про жильцов, – пробормотала я. – Люди, которым дед дом сдал, могли тебя заметить!

Варя выковырнула из ячейки круглую конфету.

– Назар сначала дачников на лето пускал, а потом семью нашел, которая на весь год поселилась. Но гараж вдали, у забора, а изба через все сотки, возле ворот. Кем надо быть, чтобы меня углядеть? И как им увидеть, если я через потайную дверь лазила?

Мне пришлось сдаться:

– Хорошо. Дед умер, дальше что?

Девушка почесала нос:

– Я пошла к его жильцам и говорю: «Дедушку Назара не видели? Он у меня ведро в долг взял, обещал вернуть и не несет. Сделайте одолжение, попросите его зайти». Жена жильца пошла в гараж и как заорет! Это все.

– Ты так и не объяснила, чего испугалась, – напомнила я и снова почесалась.

Варя сдернула с волос резинку, «конский хвост» рассыпался на пряди.

– Сначала я думала, он от сердца помер, но врачи сказали, что у него язва прорвалась, вот дедушке кирдык и настал. Да только он животом никогда не мучился. Соленое ел спокой-

но, яблоки трескал, морковь сырую, огурцы жрал. У моей мамы язва была, я знаю, что она от сырых овощей-фруктов сильнее болит, надо на диете сидеть, кашу на воде варить, протертое готовить, но Назар на станции булку с сосиской брал. Сама видела. И кофе.

Варя оглянулась и понизила голос:

– Растворимый. В банке. У деда организм был – как у слона. Он мне хвастался, что никогда ничем не болеет, потому что медитирует, закаляется и ледяной водой обливается. Кофе он обожал, пил его в любое время суток, на ночь всегда чашечку хряпнет и в кровать. Бессонницей не мучился. Я его один раз поддела:

– Дядя Назар, вот ты все про здоровый образ жизни говоришь, а как же кофе? По телевизору говорят, что он яд.

А он ответил:

– Мне от кофе хорошо, и это главное. Слушай свое тело, оно подскажет.

Вспомнила я, как он головой у чашки лежал, и поняла. Человек, который приходил, зачем упаковки менял? Небось отравил деда.

– Интересная версия, – кивнула я.

Варя сняла платок.

– Я к Анфисе Сергеевне пошла и все-все ей объяснила. Вдруг и меня приьбют? Вдруг узнали, что я часто к Назару бегала? Посчитают нас друзьями, и кирдык Варьке.

Анфиса умная, она мне велела не нервничать и молчать

в тряпочку. Сказала: «Возьми эту банку и брось в сортир, нехай в дерьме потонет». А сейчас вас прислала. Теперь платите вторую часть денег!

– Когда умер Назар? – спросила я, отсчитывая купюры.

– Зимой, в конце февраля, день не скажу, может, в начале марта, – заявила Варя, радостно хватая мзду.

Я села в джип и двинулась в обратный путь. Отправляясь в Ведмино, я предполагала, что дед-предсказатель не просто так пугал археологов. Я думала: местный житель решил прогнать из села незваных гостей, от которых много шума. Старик привык к тишине, хочет покоя, желает лечь спать пораньше, а в непосредственной близости от его избушки раскинули лагерь москвичи, среди них студенты, молодежь шумит, играет на гитаре. Может, кто полез на участок Назара, вот он и расвирепел, выдумал историю про «желудочную волчицу» и начал исполнять роль прорицателя.

Но все оказалось сложнее. Назара наняли. Сценарий бывшему киномеханику и рабочему сцены, выдававшему себя за известного актера, принесла женщина. Дедуля оказался смышленным, а тетенька дала маху: решила, что он удовлетворится разовым гонораром. Но Назар почуял большую прибыль и стал шантажировать даму.

Судя по тому, что материальное положение деда улучшилось, он вполне успешно обирал свою жертву, и последняя сообразила: вымогатель не остановится, его аппетит возрастет. Есть единственный способ избавиться от предприимчи-

вого старикашки – отправить его на тот свет.

Я нажала на педаль газа, автомобиль еще быстрее полетел в сторону Москвы.

Наверное, убийца подмешала яд в банку с кофе. Она была в курсе привычек деда, поэтому принесла кофе с «наполнителем». К сожалению, Варя права: участковый, который призван следить за порядком в нескольких селах, не станет поднимать шум из-за кончины старика. Следов насилия на теле Назара не обнаружили – значит, нет никаких подозрений, что смерть неестественная.

Я включила радио и под бодрый стрекот ведущего еще раз оценила ситуацию. Версию о «желудочной волчице» по приказу тетки озвучил Назар. Почему была придумана эта болезнь? Да потому, что и Галину, и Майю, и Владимира отравили. Тошнота, рвота, слабость – признаки многих заболеваний, в том числе и язвы желудка. На самом деле несчастных угостили одинаковым ядом, он же достался и Назару. «Желудочной волчицы» не существует. У меня возник целый букет вопросов. Кто затеял историю с предсказанием? Почему жертвами стали Бутрова, Матвиенко и Каминский? Что связывало двух ученых и студентку-дипломницу? Какова цель преступника: на корню загубить исследование Алексея Николаевича? Или таинственная незнакомка использовала раскопки как полигон для убийств? Вероятнее второе: дамочка хотела не только избавиться от людей, но еще и насладиться их страхом. Даже те, кто объявляет: «Я не верю в приметы,

плевать хочу на гадалок и предсказателей», – будут нервничать, если им бросить в лицо фразу: «Ты умрешь девятого февраля, готовься к смерти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.